Ночной кошмар Железного Любовника

Автор:
Дарья Донцова

Ночной кошмар Железного Любовника

Дарья Донцова

Виола Тараканова. В мире преступных страстей #32

Вот так подарочек я, Виола Тараканова, получила к Новому году – узнала из новостей о свадьбе своего любимого мужчины! Ну и ладно, пусть ему будет хуже! Встречать праздник в одиночестве совсем неплохо… Однако не тут-то было! Двоюродная сестра Тоня повезла меня в Подмосковье в гости к нашим общим родственникам. Это оказались те еще персонажи! Мой дядя Сева, например, вовсе не самых честных правил: ребенка от первого брака спровадил с глаз долой и жил за счет новой жены Агаты, изменяя ей направо и налево… Неудивительно, что его закололи ножом в спину на темной улице! Причем Агата тоже не так проста – я услышала ее разговор с любовником и ужаснулась: это они убили Севу ради наследства! Кипя праведным гневом, я сдала изменницу в полицию, вот только многое в этой истории меня смущало… Я во всем разберусь, чтобы за решетку не отправилась невиновная, а пока подою… козла на съемках новогодней передачи, куда меня пригласили почетной гостьей!

Дарья Донцова

Ночной кошмар Железного Любовника

Глава 1

Чтобы подкова принесла тебе удачу, прибей ее к своей ноге и паши, как конь, от восхода до заката.

Я отошла от письменного стола, приблизилась к окну и прижалась лбом к холодному стеклу. На дворе конец декабря, солнце садится очень рано, все лошади уже уютно устроились в своих конюшнях, поели и мирно спят, а я… обернувшись и горестно вдохнув, устремила печальный взор на столешницу, где немым укором мне, автору, лежала неоконченная рукопись. Хотя слово «неоконченная» в данном случае неуместно, потому что новая книга, если уж быть откровенной, совсем не написана. То есть вообще никак не написана, даже практически не начата. Я нацарапала на первом листе три слова: «Таня Злотникова была…» – и все. Кто такая эта Таня? Кем она станет в моем новом детективе? Нужна ли госпожа Злотникова в сюжете? И вообще, какой сюжет будет у еще не рожденного детективного романа? Ох, зачем Костик уехал и оставил меня одну накануне Нового года?

Последний вопрос, впрочем, никак не относится к творческой деятельности, и на него есть четкий ответ: мой любовник Костя – почтительный и заботливый сын. Дело в том, что его мама, Аллочка, адептка здорового образа жизни, поэтому каждый год в двадцатых числах декабря Костик везет ее в крохотную швейцарскую деревушку, где купил небольшой дом, и они проводят почти месяц на лоне природы. Алла уверяет, что каникулы в Альпах заряжают ее здоровьем на следующие двенадцать месяцев, но только если она едет туда вместе с сынулей. А если Костя по какой-нибудь причине не сможет составить ей компанию, она непременно заболеет и скончается в муках. Традиция посещать Швейцарию и справлять там сначала католическое Рождество, потом Новый год, затем вновь появление на свет младенца Иисуса, но уже по версии Русской православной церкви, и в конце концов завершать затянувшиеся праздники песенкой «Дед Мороз к нам идет, всем подарки он несет» в ночь с двенадцатого на тринадцатое января, зародилась в семье Фокиных давно, когда Костик обо мне даже не слышал. Ясное дело, никто не собирается ради меня ломать устоявшиеся привычки.

Только не подумайте, что Аллочка принадлежит к биологическому виду «свекровь простая, злобная» и регулярно повторяет своему сыночку: «Жены приходят и уходят, а мать одна на всю жизнь. Я совершила подвиг – родила тебя. А что сделала чужая баба?»

Нет, Алла вполне милый, даже деликатный человек, а я не являюсь законной супругой Кости, в загс он меня не водил. Поэтому он совсем не обязан думать о моем психологическом комфорте и задаваться вопросом, где и с кем писательнице Арине Виоловой предстоит пить шампанское тридцать первого декабря.

Почему Костя не пригласил меня на берег Женевского озера? Вы разве не поняли? Они с мамой всегда летают в деревеньку Буа исключительно вдвоем, не берут с собой даже брата-близнеца Кости. Хотя, если уж совсем честно, Аллочка обожает исключительно старшенького мальчика. Впрочем, тому, кто издал свой первый крик через десять минут после него, тоже достает внимания и заботы, но вот любит она лишь Константина.

Я потрясла головой и приказала себе: Вилка, очнись, хватит думать о чужих семейных привычках и проблемах. Если что-то невозможно изменить, надо воспринимать это что-то как само собой разумеющееся. Главное – ни в коем случае не расстраиваться. На твоем пути неожиданно возникла бездонная пропасть и хочется зарыдать от отчаяния? Но ведь от слез мост не построится! Лучше попытаться соорудить его или искать обходной путь, а поревешь потом, когда благополучно преодолеешь преграду. Проблемы надо решать, а не топить их в собственных слезах.

Так, дорогая, иди, завари себе кофе, чай, какао, не знаю, что еще, умойся и начинай писать книгу. К тому же встреча Нового года в одиночестве совсем недурная вещь. Если подумаешь – увидишь одни плюсы: не надо тратить деньги на укладку и макияж, на новое платье, туфли и подарки для тех, с кем сядешь за праздничный стол; не придется резать салат, слушать длинные глупые тосты, пялиться в телевизор, где по всем каналам будут мелькать одни и те же давным-давно надоевшие лица. Нет, на сей раз я лягу на диван в уютном халатике, включу себе романтическую комедию, возьму с собой миндальное печенье и угощусь черносмородиновым ликером. Зато никто не закричит над ухом: «Вилка! Как ты можешь пить эту липкую дрянь? На-ка вот, глотни шампусика! Ну же, давай, до дна, на счастье!»

Я терпеть не могу шампанское. Любое – дорогое, дешевое, российское, импортное, брют или сладкое. У меня от него изжога и икота потом до утра.

Короче, Новый год в одиночестве – прекрасная вещь! Мне будет лучше всех! Всегда мечтала провести ночь на первое января в уединении!

Я быстро схватила пульт и включила телевизор. Что бы сейчас ни показывал ящик, буду смотреть в него с большим интересом. Главное, не думать о всякой ерунде.

Экран стал нежно-зеленым, появилась очаровательная блондинка и со счастливой улыбкой на устах, накрашенных розово-перламутровой помадой, заголосила:

– Программа «Тайны и скандалы недели», с вами Котя Любопытная…

Мне тут же расхотелось рыдать. Ну надо же, как удачно я нажала на кнопку! Котя Любопытная в данный момент самый нужный человек в моей жизни! Никогда ранее я не смотрела передачу, посвященную сплетням, но, полагаю, она намного лучше новостей, от которых мороз пробирает по коже. Вот скажите, почему готовящие их бригады не замечают в стране ничего хорошего? Отчего телевизионщики постоянно делают репортажи только о стихийных бедствиях, катастрофах, преступлениях и пугают наивных зрителей пророчествами о неминуемой смерти всех россиян от голода, холода и экономических кризисов?

Я села в кресло и приготовилась услышать о том, как некая певица отбила мужа у своей подруги. Хотя, вполне возможно, сейчас сообщат о драке между журналистом и представителем шоу-бизнеса. Я не поклонница желтой прессы, но сегодня мне просто необходима порция глупостей, и чем невероятнее они будут, тем лучше.

Из динамиков зазвучал марш Мендельсона. Я пришла в восторг. Свадьба! Прекрасно, полюбуюсь на красивые платья, многоярусный торт и улыбки счастливых людей.

– Вчера в небольшом французском городке Экс-ан-Прованс в обстановке секретности отмечалась свадьба бизнесмена Константина Фокина и Влады Карелиной, дочери владельца издательского холдинга «Май», – затараторила ведущая.

Я чуть не выпала из кресла, услышав имя жениха, но потом перевела дух. Мой Константин сейчас находится в Швейцарии вместе с мамой. Просто у него обнаружился полный тезка.

– Константин Фокин удачно совмещает бизнес и творчество, – с усердием вещала Котя Любопытная, – под псевдонимом «К. Франклин» он выступает как фотохудожник.

Я вцепилась в подлокотники и замерла с открытым ртом.

– Невеста – начинающая киноактриса, – журчало с экрана, – сейчас она снимается в фильме, который спонсирует ее отец-миллиардер. Брак Фокина и Карелиной, келейно заключенный перед самым отлетом пары во Францию, оказался полнейшей неожиданностью для светской Москвы, которая сразу заговорила о слиянии капиталов. Почему Константин и Влада не захотели устроить пышный праздник? Ну, уж не из-за отсутствия средств на веселую пирушку, ха-ха… Только наша программа «Тайны и скандалы недели» покажет вам репортаж из загса. Просим извинения за качество съемки, она велась при помощи айпада.

Экран мигнул. Я увидела одну из машин Кости, тот самый джип, на котором не раз ездила вместе с ним. Дверцы открылись, появились Франклин и стройная девушка в нежно-розовом костюме. Они проследовали в здание, где их встретила толстая тетка с «башней» на голове. Кадры сменяли друг друга. Большой зал, письменный стол, раскрытая амбарная книга, рука Кости, расписывающаяся на странице, тоненькие пальчики с безупречным маникюром и кольцом, украшенным большим брильянтом, берут ручку…

– Прямо из загса новобрачные проследовали во Внуково, где их ждал частный самолет, – захлебывалась от восторга Котя Любопытная. – Во Францию вместе с молодоженами улетели: Алла, мать Константина, Ника, сестра Влады, а также ее родители. Как нам сообщил заслуживающий доверия источник, Фокин с супругой вернутся в Москву пятнадцатого февраля. Вот тогда я непременно задам им много вопросов.

Я медленно встала, подошла к столу и включила ноутбук. Меня никак нельзя назвать гением компьютерного мира, но найти самый крупный новостной портал я вполне способна.

Перед Новым годом, как правило, ничего особенно интересного не случается, и представители всех СМИ коршунами бросаются на любую новость, которую даже не заметили бы в ноябре. Но бракосочетание крупного бизнесмена и дочери

олигарха относится к разряду ВИП-мероприятий. На главной странице открытого мной интернет-издания красовалось набранное крупным шрифтом сообщение: «Константин Фокин отвел под венец Владу Карелину».

Мда-а… Я, как тот муж из старого анекдота, узнала об измене любовника последней.

Сначала мне захотелось зарыдать во весь голос. Потом стало зябко, ступни свело судорогой. Затем невидимая рука вцепилась в горло, сжала его и резко отпустила. Я замерла на стуле, стараясь не шевелиться.

Константин оформил брак с незнакомой мне Владой? А как же я? У нас прекрасные отношения, мы ни разу не поскандалили, подходим друг другу по всем параметрам. Костя возил меня на дачу к матушке. Правда, во время моего пребывания на фазенде произошли не очень приятные события, но они только сплотили нас с Костиком[1 - Вилка вспоминает историю, рассказанную в книге Дарьи Донцовой «Фанатка голого короля», издательство «Эксмо».]. Аллочка же стала моей подружкой. Перед ее отлетом в Швейцарию я приезжала к ней в гости, мы попили чайку, поболтали о пустяках. Это что же получается? В понедельник Алла мило беседовала со мной, угощала кексами, а во вторник отправилась в загс, а потом во Францию вместе с новобрачными? Мать Константина настолько двулична? Или она ничего не знала о свадьбе сына? И что мне теперь делать?

Я тупо смотрела на экран ноутбука. Постепенно обида уползла в какой-то темный угол души, ко мне вернулась способность мыслить. Злиться на Костю я не имею ни малейшего права, он мне не муж, клятв верности мы друг другу не давали. А то, что ложились в одну постель… Я постаралась не зареветь. Ну какой смысл в рыданиях? От плача опухнут глаза, я стану похожа на поросенка, больного насморком, ни красоты, ни душевного спокойствия лавина слез не принесет. Может, позвонить Константину и…

Додумать мысль до конца мне не удалось – рука сама собой схватила телефон и набрала отлично знакомый номер. Отправляясь в Швейцарию, Костя предупредил, что его мать любит спокойно проводить время, ей не по вкусу звонки, которые отвлекают сына от общения с ней. И я за два дня ни разу не сделала попытки соединиться с Франклином. Но сейчас, когда…

– Алло! – раздался в трубке мелодичный женский голос. – Слушаю.

– Наверное, не туда попала, – пробормотала я.

– Вероятно, – засмеялась незнакомка. – А кого вы ищете?

– Константина Фокина.

– Он отошел ненадолго, – прочирикало контральто. – Кто спрашивает моего мужа?

Я сделала глотательное движение.

– Простите, я не знала, что Константин женат.

– Да, женат! – с вызовом воскликнула новобрачная. – А вы кто?

– Журнал «Бизнес-ревю», – сообразила солгать я, – хотелось бы получить интервью от господина Фокина.

– О боже! Хамка! – взвизгнула свежеиспеченная супруга. – У нас свадебное путешествие, не смейте больше звонить. Вот вернемся в Москву, я решу, с кем и когда встречаться котику.

Из трубки полетели короткие гудки. Мне вдруг стало жарко и смешно. Костя терпеть не может, когда кто-нибудь берет его телефон, Фокина коробит, даже если к сотовому прикасается Алла. А еще он всегда подсмеивается над мужьями, чьи жены называют их прилюдно «котиком», «зайчиком», «слоником» и так далее. В придачу он не выносит женщин-грубиянок. Один раз Фокин услышал, как я говорила с одной крайне надоедливой корреспонденткой, желавшей во что бы то ни стало получить от меня комментарий по какому-то незначительному поводу, и, когда наша беседа наконец завершилась, сказал:

– Ты молодец, ни разу не нагрубила нахалке. Женщину украшает умение держать себя в руках.

Ну и женушку нашел себе мой любимый! Я бы никогда не стала разговаривать с журналисткой в таком ключе.

Мне снова стало холодно, в носу защипало. Я сжала кулаки. Стоп, Вилка! Забудь Фокина! Он тебя бросил, начинай жить счастливо без него.

Я вновь потянулась к мобильному – сейчас напрошусь к кому-нибудь на Новый год.

Первым в телефонной книжке попался Антонов Сергей. Давным-давно, когда деревья, как говорится, были большими, а я мыла полы в модельном агентстве и даже не мечтала о карьере писательницы, у нас с Сережкой разгорелся страстный роман, который после полугода бурных любовных отношений превратился в крепкую дружбу. Сейчас я успешная литераторша, Сережа стал крупным чиновником, но мы по сию пору готовы помочь друг другу.

– Алло, – прохрипел Сергей. – Это кто?

– Вилка, – представилась я. – Слушай, мне негде справлять Новый год. Позови меня в гости, а? Эй, почему ты молчишь?

Он ничего не ответил, а я не утихала:

– Короче, я приеду к тебе тридцать первого декабря, и точка. Знаешь, никому не могу признаться, но тебе, Сереженька, скажу честно: на душе так тоскливо, что выть хочется. Не могу одна на праздник остаться. Я тебе не помешаю, посижу тихонько.

Антонов не издавал ни звука. Мне стало обидно.

– Ты не хочешь видеть лучшую приятельницу?

Сергей замычал нечленораздельно:

– Э… э… э…

И тут я догадалась:

– У тебя намечена романтическая вечеринка с новой любовью?

О том, с какой скоростью мой друг юности меняет женщин, ходят легенды, но последний год он жил с милой Танечкой, и все решили, что он утихомирился. И вот вам, пожалуйста!

– А как же Танюша? – спросила я. – Ты ее бросил, да? Ладно, извини за навязчивость, но мне правда очень плохо сейчас.

– Нет! – неожиданно заорал приятель. – С какой стати я должен утешать тебя? Что за дурь пришла тебе в голову? Ик, ик, ик… Отвали навсегда! Ннавссегда! Ик!

На секунду мне показалось, что я ослышалась. Но потом пришло понимание:

– Ой, да ты пьян! А я, Серега, прекрасно знаю, на что ты способен под воздействием алкоголя. Напомнить тебе одну историю? Хотя нет, лучше сообщу о том, что произошло во время нашей зимней прогулки, всем, кого встречу. Прощай, дорогой, счастливого тебе Нового года!

Мой голос сорвался на визг, я отшвырнула трубку и разозлилась еще больше. Что у трезвого на уме, то у пьяного на языке. С Сергеем мы знакомы много лет, и мне всегда казалось, что нас связывает крепкая дружба. Сколько раз я помогала Антонову, утешала, советовала, как разобраться в запутанных отношениях с его бабами. Кто сидел около него в больнице, после того как любовницы Антонова подрались и ему в голову угодила табуретка, кинутая одной из ополоумевших баб? Сереже нравятся красавицы со съехавшей крышей, истерички, совершенно не пригодные для нормальной совместной жизни, поэтому, впав в депрессию, он всегда вызывал меня, и я работала психотерапевтом, зализывая душевные раны ловеласа. Напивался Сергей редко, зато, что называется, метко. Может, и правда выполнить свое данное в злую минуту, обещание и разболтать нашу общую тайну, поведать приятелям занимательную историю?

Глава 2

Неожиданно обида на Антонова испарилась. Да, было у нас одно приключение, о котором он предпочитает умалчивать. Более того, он чуть ли не на коленях умолял меня никогда, никому, ни при каких обстоятельствах о нем не рассказывать. Ситуация была не очень приличная, и, думаю, Серега единственный мужчина на Земле, с которым случился такой анекдотический конфуз.

Дело было давно, я и Томочка еще жили вдвоем в крохотной квартирке[2 - Кто такая Томочка, а также биография Виолы рассказывается в книге Дарьи Донцовой «Черт из табакерки», издательство Эксмо».]. Стоял, как и сейчас, морозный декабрь. Мы с Сергеем возвращались после дня рождения Игоря Новикова – Антонов в ту пору снимал однушку в доме напротив нашего. Вечеринка удалась, выпивки Игоряша выставил немерено, а вот с закуской немного промахнулся, поэтому тарелки быстро опустели, зато алкоголь лился рекой.

Я-то не любительница спиртных напитков, а вот мой приятель не раз опрокидывал рюмку, поэтому собрался домой, будучи уже сильно навеселе. Помню, я даже испугалась, что нас не впустят в метро. Но ничего, обошлось. К тому моменту, когда мы выбрались из подземки, Сергей немного протрезвел и довольно бойко шагал по улице. Но вдруг – до дома было уже рукой подать – он заявил:

– Отлить надо!

И, не обращая на меня внимания, начал расстегивать брюки. Я попыталась остановить его:

– Потерпи, до квартиры идти две минуты. На улице холодно, еще отморозишь свое главное сокровище.

Но, к сожалению, большинство мужчин и на трезвую голову упрямы, чего же ждать от того, кто загрузился спиртным под завязку?

– Отстань, – буркнул Сергей и сделал шаг в сторону газона.

Вернее, он подошел к тому месту, где летом зеленеет трава и растут цветы, а тогда, в декабре, вместо клумбы возвышались сугробы. От тротуара их

отгораживала железная труба на столбиках, на высоте чуть ниже пояса человека среднего роста – была в те годы в Москве мода таким образом отделять пешеходную часть от ландшафтной, некий прообраз сегодняшних заборчиков.

Я поняла, что Сергей все равно поступит, как ему заблагорассудится, и деликатно отвернулась, тихо радуясь, что в поздний час на улицах столицы не сыскать милиции. Бравые стражи порядка не очень-то рвутся патрулировать город после полуночи, и я их прекрасно понимаю – правда, вдруг бандит встретится?

Спустя минуту Антонов взмолился:

– Вилка, помоги мне.

– С ума сошел? – возмутилась я. – Надо же такое придумать… Ты у нас маленький? Не способен сам штанишки застегнуть?

– Мне плохо! – захныкал Сергей.

Я повернулась, увидела, что он по-прежнему стоит около железной трубы, и разозлилась.

– Ну, хватит! Я окоченела, ухожу домой. А ты можешь тут ночевать. Считаю до трех и убегаю. Раз…

– Вилка, – простонал Антонов, – скорей, сюда!

В голосе его прозвучали нотки, заставившие меня приблизиться к нему и спросить:

– В чем дело?

– Да вот петрушка какая, не могу отойти, – пробормотал Сергей. – Глянь на трубу.

Я посмотрела на покрытую инеем железяку и постаралась не расхохотаться во весь голос.

У мужчин есть орган, который они считают главным. На мой взгляд, хвастаться и гордиться надо умом, талантом, а не… ну, сами понимаете, чем, но сильная половина человечества полагает иначе. Так вот, этой сакральной штукой Сергунчик прилип к трубе. Кто-нибудь из вас в детстве пробовал лизнуть накладной замок ворот гаража, покрытый пушистым инеем? У меня в биографии был такой случай, очень неприятно потом целую неделю есть и разговаривать.

– Как же ты так неаккуратно? – давясь смехом, поинтересовалась я.

– Не знаю, – зашипел Сергей. – Придумай что-нибудь…

– Просто дерни, и пошли домой, – предложила я. – У меня ноги окончательно задубели, на мне же тоненькие чулочки.

– Плевать на твои ноги! – заорал Антонов. – Кому нужны какие-то конечности, когда такая беда приключилась? Что делать?

– Стоять тут, пока не потеплеет, – хихикнула я. – Вроде обещали к середине января повышение температуры.

Приятель обозвал меня дурой, я обиделась, и мы поругались. Потом Серега стал жалобно взывать к моим лучшим чувствам. Я сбегала к себе в квартиру, притащила чайник с теплой водой и благополучно спасла своего кавалера.

На следующее утро Сергей прибежал к нам около семи утра, вызвал меня на лестницу и трагическим шепотом спросил:

– Томке разболтала про вчерашнее?

– Нет, – зевнула я. – Она уже спала, когда я пришла, и пока не проснулась. За завтраком повеселю ее.

– Поклянись, что будешь молчать, – потребовал Сергей.

Я еще немного покуражилась над ним, но потом сжалилась, пообещала никому о курьезе не рассказывать. И до сих пор честно хранила тайну.

Собственно, почему я сейчас вышла из себя? Антонов не обязан развлекать меня на Новый год, у него своя жизнь, собственные планы. Добрый друг не захотел понять, как мне одиноко? Но он же не мой психотерапевт. И очень глупо было напоминать ему про то дурацкое приключение. Нам уже давно не двадцать лет, история с железной трубой не кажется жутким позором, просто забавное происшествие. Зачем я налетела на Антонова? Ответ прост: я обижена на Костю, который бросил меня, как надоевшую игрушку. Надо перезвонить Сергею и попросить прощения. Хотя в данный момент он пьян. Не стоит беседовать с человеком, у которого мозг плавает в коньяке.

Лежащая на столе трубка вдруг ожила. Может, Сергей правильно оценил ситуацию и сам решил связаться со мной? Но из телефона раздалось бойкое стаккато Тонечки:

– Привет! Как дела?

Я сделала глубокий вдох.

– Супер. Я приняла решение разойтись с Костей.

– Почему? – удивилась Тоня.

Я быстро нашла замечательный аргумент:

– Потому. Не сошлись характерами. Он очень огорчен, сказал, что назло мне женится прямо завтра на первой попавшейся особе. Но мне совершенно все равно.

– И с кем ты собралась встречать праздник? – насторожилась Антонина.

– Давно мечтала провести тихий вечер в одиночестве, – живо ответила я. – Очень устала от общения, сколько людей кругом!

– Отлично! – заявила Тоня. – Собирайся, едем к Анатолию.

– Куда? – не поняла я.

– К деду. Объясню по дороге. Поторопись, прикачу к тебе через четверть часа. Возьми с собой ночнушку, платье для вечеринки, ну и всякие мелочи, – приказала Антонина.

Я хотела задать еще пару вопросов, но она отсоединилась.

Я уже достаточно подробно рассказывала о своем детстве и отрочестве, ей-богу, неохота повторяться[3 - Читайте книгу Дарьи Донцовой «Черт из табакерки», издательство «Эксмо».]. Скажу лишь, что до недавнего времени искренне считала: никаких близких родственников у меня, кроме папеньки Ленинида, нет. И вдруг совершенно случайно выяснилось, что у госпожи Таракановой есть двоюродная сестра.

Мы с Антониной знакомы уже давно. Я испытывала симпатию к сотруднице архива, которым пользуются работники особого отдела под руководством полковника Олега Куприна, моего мужа, а Тоня частенько помогала мне, как писательнице, вообще-то не имевшей права совать свой любопытный нос в папки с грифом «Для служебного пользования». Нет, мы не общались домами, в гости друг к другу не ходили, но порой вместе пили кофе. После моего развода с Олегом ничего не изменилось, и стало ясно: заведующая архивом не хочет разрывать нашу дружбу, она по-прежнему прекрасно ко мне относится. А совсем недавно я узнала две новости: Антонина вышла замуж за Куприна, и она моя двоюродная сестра[4 - Подробнее об этом рассказывается в книге Дарьи Донцовой «Фанатка голого короля», издательство «Эксмо».].

До сего момента у меня, как уже говорилось, из кровных родственников был лишь Ленинид, с которым произошла воистину волшебная метаморфоза. Папенька мой из бывшего уголовника, неудачливого мелкого воришки, жившего по принципу «украл, выпил – сел» (в тюрьму), превратился в звезду телеэкрана. Первую роль он получил в сериале по моим книгам, чем страшно возгордился, и теперь мне, дабы побеседовать с ним, надо прорваться сквозь кордон его пресс-секретарей и всяких прихлебателей. Сам Ленинид мне никогда не звонит – не царское это дело. Короче, прошли времена, когда отец постоянно просил у меня денег и смиренно носил одежду, которую я покупала ему на рынке. Правда, он никогда не скрывал своего уголовного прошлого и нашего родства. Более того, во всех интервью отец рассказывает, как «воспитывал дочку, ныне

писательницу Арину Виолову, вкладывая в нее всю душу, передал ей собственный талант, трудолюбие и скромность». Это наглая ложь. Все мое детство, отрочество и юность Ленинид провел на зонах, меня ставила на ноги его бывшая любовница Раиса, чужая мне по крови женщина, которую я считаю родной, папуля же возник в моей жизни, когда я стала уже совсем взрослой. Но я не опровергаю его слова в прессе, не звоню папаше, чтобы выразить возмущение его враньем, а просто стараюсь общаться с ним пореже.

Как выяснилось, мать Тони, моя тетка, ничего не знала о племяннице. Узнав о нашем родстве, я забросала Тонечку вопросами о членах нашей семьи. Двоюродная сестра неохотно рассказала, что рано покинула подмосковный городок Ковалев, где прошло ее детство, и уехала покорять Москву. О своем отце Тоня ничего не сообщила, о матери сказала коротко:

– Она умерла, я воспитывалась в детдоме.

Мою мать Антонина никогда не видела, лишь слышала, что в семье была еще Светлана, но вроде дед выгнал старшую дочь из дома. Сейчас старик по-прежнему обитает в Ковалеве. Вместе с ним живут две его сестры и сын.

Выдав мне эту информацию, Тонечка замкнулась. Поняв, что ей по какой-то причине не хочется вдаваться в детали, я перестала ее расспрашивать. И вот сейчас она спонтанно приняла решение познакомить меня с нашим дедушкой, о котором я знаю лишь одно: его зовут Анатолий.

Телефон снова зазвонил.

– Выходи, – произнесла Антонина, – а то Анатоль нас за опоздание на воротах повесит. Буду у тебя во дворе через пару минут, заводи машину.

Я схватила сумку, пошвыряла в нее кое-какие вещи, помчалась к лифту и спустилась вниз. Как раз вовремя – у подъезда припарковалось такси, из него вышла Тоня.

– Садись, – велела я, открывая пассажирскую дверцу своей «букашки», – торбу кинь назад.

Антонина послушно нырнула в салон, пристегнула ремень, а я спросила:

– Куприн знает, что ты меня пригласила? Думаю, он не обрадуется, увидев бывшую женушку на новогоднем торжестве.

– Олег в командировке, – пояснила Тоня, – и я намерена после того, как он вернется, наконец-то сообщить ему правду о нашем родстве. Хватит скрывать!

– Олег занервничает, узнав, что прежняя супруга теперь его свояченица, – усмехнулась я.

– Ему придется это принять! – неожиданно сердито воскликнула Тоня. – Мы и так слишком долго молчали, не хотели его травмировать.

Я сообразила, что Тонечка, наверное, поругалась с мужем, и сменила тему:

– Расскажи, куда едем.

– В сумасшедший дом, – фыркнула Антонина. – У всех людей семьи как семьи – дедушка читает газеты, бабушка вяжет, внуки в футбол играют, а у нас пирожки с пуговицами. Это выражение Офелии. Кстати, в семье принято друг друга по именам звать. Офи у нас личность одухотворенная – композитор-певица-поэт-художник в одном флаконе, но вынуждена работать директором гимназии. Ладно, попробую растолковать тебе суть, хотя уверена, что получится плохо. Слушай.

Я кивнула:

– Начинай. Мне очень интересно. Кто глава семьи?

– Дедушка Анатолий Сергеевич, – вздохнула Тоня, – он главный режиссер театра в городке…

Ковалев находится так близко от Москвы, что его можно считать спальным районом столицы, но все же остается самостоятельной административной единицей со своим мэром и администрацией. Анатолий Сергеевич там значимая фигура, он много лет руководит городским театром, который сначала был

самодеятельным кружком при местном заводе, где делали ракеты. В советские годы предприятие считалось почтовым ящиком[5 - Почтовый ящик – так в советские времена называли оборонные предприятия и НИИ из-за того, что у них не было адреса. Если вы посылали в подобную организацию письмо, то не указывали на конверте улицу и номер дома, а писали, например, «п/я 125319». Здесь и далее примечания автора.], поэтому великолепно снабжалось продуктами и товарами народного потребления. А вот с развлечениями в Ковалеве было плохо – чтобы попасть в кино или на спектакль, приходилось ехать в Москву, которая в те времена еще не подобралась к границам городка. Анатолий Сергеевич правильно оценил обстановку, напросился на прием к главе города и подал ему грамотно составленную заявку на открытие театра.

Через год труппа, состоящая в основном из непрофессиональных артистов, дала первый спектакль. Играли «Гамлета». Жители встретили премьеру с восторгом, но постановка, мягко говоря, не удалась.

Спустя пять лет коллектив нельзя было узнать. Анатолий Сергеевич убрал тех, с кем начинал дело, и привел на их место актеров столичных театров, талантливых профессионалов. Каким образом главному режиссеру удалось убедить их бросить Москву и перебраться в Ковалев?

Ну, во-первых, квартирный вопрос. В Подмосковье лицедеи сразу получали от администрации многокомнатные хоромы. Оклад тоже радовал. Появилась возможность часто играть, а не сидеть много лет, ожидая, пока получишь роль из трех слов. Неизбалованная ковалевская публика артистов обожала, все их проблемы решались в мгновение ока, а до Москвы из городка рукой подать. Пробок на дорогах тогда не было, на машине за полчаса долетали до Кремля. Ради материальных благ примы и премьеры терпели совсем не сахарный нрав Анатолия Сергеевича Авдеева. А главный режиссер был авторитарен, нетерпим к чужому мнению, имел любимчиков, поощрял наушничество и спал со всеми актрисами, которые казались ему привлекательными. Каждая очередная метресса получала лучшие роли и исполняла их до тех пор, пока у местного царя подмостков не появлялось новое увлечение.

Авдеев никогда не был женат, живет вместе с двумя сестрами. Офелия и Пенелопа значительно младше брата, полностью находятся под его влиянием и почитают его почти как бога. Злые языки поговаривали, что раньше у них в паспортах были обычные имена Зинаида и Раиса, но братец решил, что они никак не подходят его ближайшим родственницам, и переименовал их. Правда

это или нет, никому не известно. Себя же Авдеев велит называть Анатоль. В театре все знают: хочешь взбесить шефа до крайности, обратись к нему по имени-отчеству, назови его Анатолием Сергеевичем.

Главреж злопамятен. Он никогда не орет, не топает ногами, не устраивает, как некоторые другие руководители театров, истерик. Нет, Авдеев просто внимательно смотрит на провинившегося и тихо говорит:

– Ступай, дружочек, что-то у меня голова разболелась.

Больше всего на свете артисты, гримеры, костюмеры и рабочие сцены боятся услышать эти слова. Все прекрасно знают: Анатоль ничего не забывает, и если произнес их, то буквально подписал человеку смертный приговор.

И дома Анатоль ведет себя точно так же. Сестры ходят на цыпочках, ни Пенелопа, ни Офелия не выходили замуж. Они до сих пор обслуживают брата, живут его жизнью.

Глава 3

Как вы понимаете, Анатоль далеко не молод, но по-прежнему продолжает руководить театром. Однако времена былой славы миновали. Ковалев почти слился с Москвой. Завод, производивший ракеты, тихо умер во время перестройки, его цеха, ангары и дворы превратились в громадный рынок, где стали торговать потерявшие работу высококвалифицированные рабочие и научно-технические сотрудники. Потом их вытеснили вьетнамцы и жители ближнего зарубежья. Местное население стало сдавать квартиры приезжим, и городок превратился в общежитие для работников рынка. У коренных жителей есть несколько возможностей заработать деньги: встать за прилавок на рынке, пустить к себе постояльцев либо обслуживать продавцов и охрану. Впрочем, последним занимается исключительно мафия пенсионерок. Пожилые женщины варят супы, пекут пирожки, а потом продают еду как аборигенам рынка, так и посетителям торговых рядов. Еще они стирают-гладят белье и лечат тех, кто не имеет медицинского полиса. Человека со стороны, решившего приехать на ковалевский шалман с бидоном борща, элементарно побьют и выгонят со словами: «Еще раз сунешься, в живых не останешься». Только не подумайте, что

драку затевают бабульки – у них есть сыновья и внуки, которые бдительно следят за порядком.

Цены на ковалевской толкучке ниже, чем в Москве, выбор товаров огромен, тут можно приобрести все что угодно, поэтому с восьми утра до восьми вечера на территории бывшего завода толпится народ.

После того как охрана запрет огромные ворота, оживают маленькие ресторанчики с кухней разных стран. Впрочем, слово «ресторанчики» не совсем правильное, чаще всего пловом, мантами, китайскими, корейскими и вьетнамскими яствами кормят в квартирах. Санитарных книжек ни у повара, ни у его помощников нет, и очень часто они не говорят по-русски, но готовят так, что язык проглотишь. В Ковалев, чтобы полакомиться, прикатывают рафинированные столичные гурманы – роскошные иномарки, подчас с мигалками на крышах, припаркованные возле убогой, разваливающейся пятиэтажки, совсем не редкость на улицах городка. Кроме нелегальных обжорок в Ковалеве работают подпольные казино, бордели, кинотеатры, демонстрирующие фильмы на разных языках, а также боулинги, бары и прочие развлекательные заведения. Ну и кому, скажите на милость, тут нужен театр, на сцене которого неблагодарные дочери плохо поступают с отцом, королем Лиром?

Молодые артисты в Ковалев не рвутся, самому юному члену труппы пятьдесят лет, Джульетту на ковалевских подмостках изображает стокилограммовая пенсионерка. Лет пять назад Анатоль принял стратегическое решение: надо менять репертуар. Но время было упущено. А еще главреж понял: если люди не спешат в театр, то спектакль должен прийти к зрителю. Поэтому сейчас в репертуаре несколько пьес для юного поколения, артисты выезжают в детские сады и школы, показывают истории про Колобка и Машу с медведями, «Горе от ума», «Евгений Онегин», «Мцыри». Анатоль ненавидит выступления перед детьми и называет их «гастроли для мартышек». Однако именно благодаря этим «гастролям» театр жив и худо-бедно сводит концы с концами.

Слегка пообтрепалось и былое величие самого Анатоля. Теперь у него почти нет поклонниц, ранее не дававших ему спокойно пройти по улице. Тем, кто торгует на рынке или делает там покупки, Авдеев не интересен. Юная поросль Ковалева тоже не ломится на спектакли, у молодежи свои забавы – в городке открыта пара ночных клубов, которые не жалуются на отсутствие посетителей. Да и Москва под боком, сел на маршрутку – и через десять минут гуляешь по столице.

Но для среднего и старшего поколения Авдеев по-прежнему звезда. Местная администрация относится к нему с подчеркнутым уважением, а артисты, как и встарь, боятся разгневать режиссера. И в своей семье Анатоль остается самодержцем, наделенным высшей властью.

Как уже говорилось, Пенелопа и Офелия никогда не выходили замуж и не имеют детей. Анатоль тоже не оформлял брака, но наследник у него есть. Это Всеволод. К сожалению, дочь режиссера Нина, мать Тони, умерла. У Анатоля еще была старшая дочь Светлана, та самая, что, родив Вилку, бросила ее на попечение своего мужа-уголовника и исчезла из жизни ребенка навсегда[6 - Читайте книгу Дарьи Донцовой «Урожай ядовитых ягодок», издательство «Эксмо».]. Имя старшей дочери в семье вслух не произносят, о причине разрыва отношений отца с ней не говорят. Да это, наверное, уже и не имеет значения – Света скончалась. А Всеволод пребывает в полном здравии. Он холост, проживает вместе с отцом и работает у него в театре – пишет музыку для разных постановок.

Суровый к родным и подчиненным, Авдеев становится очаровательным при встрече с посторонними, никак от него не зависящими людьми. И он обожает веселые компании. Анатолий Сергеевич хлебосольный, совсем не жадный человек. Но! Щедрым он бывает лишь с теми, кто приходит в его дом гостем, для родственников введен режим жесткой экономии.

Новый год в доме Анатоля всегда отмечается шумно. Просторная квартира режиссера находится в здании театра. В былые годы тридцать первого декабря в фойе устанавливалась огромная елка, вокруг которой плясала и пела куча народа, включая все местное начальство. Авдеев всегда устраивал капустник, Всеволод специально писал для него музыку. Играли не местные артисты, а гости. Подчиненных Анатоль никогда на такие вечера не звал – крепостным негоже ручкаться с барами. Традиция показывать в Новый год капустник сохранилась и по сию пору. Правда, количество гостей сильно поубавилось, в прошлом декабре за столом сидело всего двадцать человек…

Когда моя «букашка» подъехала к помпезному желтому зданию в стиле «советского вампирного барокко», Тонечка сказала:

– Наверное, лучше не говорить Анатолю и компании, что мы с тобой двоюродные сестры. Не знаю, что сделала твоя мама, но, видно, она здорово досадила отцу. Боюсь, он может перенести свою неприязнь и на внучку.

– И, думаю, не следует сообщать, что я бывшая жена Куприна, – ответила я в тон Антонине.

– Пожалуйста, ничему не удивляйся, – попросила она, выходя из машины, – воспринимай любые события и слова, которые тут услышишь, как… ну… словно играешь в пьесе. Семейка у меня еще та.

– Извини за напоминание, но Анатоль и другие вроде как и моя родня, – улыбнулась я.

– Давай придумаем легенду и будем четко ее придерживаться. Что скажем, где мы познакомились? – спросила Тоня.

– Лучше сказать правду, – решила я. – Ты работаешь в архиве, а я пришла туда посмотреть кое-какие документы для своей новой книги. Теперь мы дружим, ты позвала меня в Ковалев в гости. Слушай, а ведь до Нового года еще почти неделя. Не рано ли мы приехали?

– Все о’кей, – буркнула Тоня. – Ну, ныряем в болото с жабами…

Когда мы вошли в просторную комнату, люди, сидевшие вокруг большого стола, разом повернулись в нашу сторону.

– Наконец-то! – воскликнул стройный темноволосый мужчина, одетый в шелковую стеганую домашнюю куртку. – Сколько можно ждать?

– Прости, Анатоль, жуткие пробки, – смиренно ответила Тонечка.

Я уставилась на того, кто вместо приветствия сделал Тоне замечание. Это главный режиссер ковалевского театра? Да быть того не может! Анатолию Сергеевичу, по самым скромным подсчетам, лет семьдесят, а передо мной человек, которому можно дать от силы сорок!

– Хочу вам представить свою близкую подругу, Виолу Тараканову, – сказала Антонина.

– Очень приятно, – улыбнулся мне Анатоль. – Садитесь скорей, Катя приготовила кролика в сметанном соусе. Надеюсь, вы не сидите на диете? Хотя зачем вам, с такой-то стройной фигурой, ограничивать себя в еде… Я правильно говорю, Офи?

Излишне полная дама, чья шея была обмотана бесчисленными кольцами жемчужного ожерелья, отложила вилку и с обидой произнесла:

– Я толстею не от продуктов. И в возрасте Виолы я походила на спичку.

– Скорей на сувенирную свечку, тетя, – тихо произнес мужчина в красном клетчатом пиджаке. – Видела такие кругленькие столбики? Ими на рынке активно торгуют. Прикольная вещь, на ней можно попросить написать имя того, кому ее даришь.

– Лучше украсить свечу инициалами тещи и смотреть, как плавится стеарин, а буквы исчезают в огне, – серьезно заявил толстячок в синей жилетке, натянутой поверх розовой рубашки.

– Ваня! – укоризненно посмотрела на него женщина с роскошной гривой мелко вьющихся рыжих волос.

– Что, Лидуся? – спросил Иван. – Я просто пошутил. И к твоей маме это не имеет отношения. Она лучше всех на свете.

– На прошлый Новый год мне свекровь подарила халатик, – вступила в беседу худая брюнетка, сидевшая справа от хозяина, – с очень симпатичным орнаментом. Сначала мне показалось, что это маленькие цветочки, потом я присмотрелась – нет, там буковки, латинские, и они складываются в фразу, которая переводится на русский как «смерть всем». Вот теперь не знаю, как относиться к подарочку-то.

– Дайте людям сесть, – произнесла еще одна дама, сидевшая за столом. – И надо познакомить Виолу с присутствующими.

– Прекрасная идея, Пени, – одобрил Анатоль. – Устраивайтесь, дорогая Виолочка, возле меня. Галочка, пересядь к Петеньке. Мальчик, ты не против? Мама еще не

замучила тебя своей заботой?

Юноша в круглых очках молча покачал головой.

Мне стало неудобно.

– Спасибо, я прекрасно устроюсь вот на этом стуле, не надо перемещать Галину.

Но та уже резво вскочила.

– В доме Анатоля такая традиция: когда человек приходит в первый раз, он всегда располагается по правую руку от хозяина. Идите, идите, не стесняйтесь.

Пришлось подчиниться. Анатоль начал активно предлагать мне еду, а я поняла, что волосы у него покрашены, лицо уж слишком гладкое, какое-то кукольное, значит, над ним поработал пластический хирург, и вдобавок оно по полной программе обколото ботоксом. Вот прямую спину и по-юношески стройную фигуру врач, пусть даже самый умелый, не обеспечит. Думаю, дед проводит немало времени в тренажерном зале, поэтому и сохранил юношескую легкость движений.

– Меня зовут Офелия, – сообщила дама в жемчугах, – я сестра Анатоля и Пенелопы.

Пени помахала рукой.

– Если захотите чаю, только моргните, заварю вам свой фирменный.

– Главное, не жалуйтесь Пени на проблемы со спиной или с ногами, – засмеялся мужчина в жилетке. – А то она натрет больное место гелем для лошадей, и у вас в скором времени отрастут копыта.

Пенелопа обиженно поджала губы.

– Ваня, – недовольно произнесла его спутница, явно супруга, – опять ты за свое!

Иван растянул губы в улыбке, но выражение его глаз осталось холодным.

– Лидуся, я врач, получил диплом с отличием, давно практикую и хорошо понимаю: человек и лошадь не очень-то похожи. Скорей уж люди ближайшие родственники свиней.

– Ой, прекрати! – поморщилась Пенелопа. – Ты психотерапевт, занимаешься душой, а не телом. Да, я пользуюсь средствами, предназначенными для животных, но кто виноват, что для людей не придумали подобных? Смотри, какая у меня шевелюра?

Пени вытащила из прически несколько шпилек, и каскад густых блестящих волос упал на ее плечи.

– А почему я не облысела? – с вызовом спросила сестра Анатоля. – Отвечу честно: не первый год мою голову исключительно шампунем для собак. А ты, Ванюша, пользуешься человеческим моющим средством. И каков результат? Лысина от уха до уха!

– Отсутствие у мужчин растительности на темечке свидетельствует о рекордном количестве тестостерона в организме, – отбил подачу Иван. – Сильный пол должен не переживать из-за отсутствия кудрей, а гордиться данным фактом, потому что он просто кричит: «Сей парнишка прекрасный любовник». Ну, прямо как я. Верно, Лидуся?

– Ой, замолчи! – покраснела она.

Анатоль рассмеялся.

– Ну, ладно, хватит вам. Давайте сам представлю остальных. Сева, мой единственный сын…

Мужчина в клетчатом пиджаке молча кивнул. Режиссер продолжил:

– Галина и Петя. Мама и талантливый сын-математик. Уверен, мальчик непременно получит Нобелевскую премию.

Петр резко покраснел, уронил с носа очки и нагнулся за ними.

– Математикам не дают в Швеции денег, – заметила Офелия.

– Правда? – удивился Анатоль. – Почему?

– Жена Нобеля изменила ему с преподавателем арифметики[7 - Существует такая легенда, не имеющая доказательств. И называют еще много других причин, по которым изобретатель динамита Альфред Нобель (1833–1896) вычеркнул математиков из числа тех, кому может вручаться премия его имени.], – пояснила Офи.

– Ну надо же! – всплеснул руками Анатоль. – Альфред оказался на редкость мстителен. Ничего, Петяша заработает… э…

– Филдсовскую премию, – подсказала Офелия.

– Не знаю, кто он такой, этот Филдс, но надеюсь, что хороший человек, а наградные солидные, – улыбнулся Анатоль. – А вы, значит, Виола Тараканова. Чем занимаетесь, дорогая? Учительствуете?

Я как раз положила в рот кусок нежного мяса, а потому слегка замешкалась с ответом и услышала голос Тонечки:

– Вилка писатель. Под псевдонимом Арина Виолова пишет криминальные романы.

В гостиной воцарилась тишина.

Глава 4

– То-то лицо гостьи показалось мне знакомым, – нарушила молчание Галя. – Я стараюсь не пропускать шоу Балахова, а вы в нем недавно участвовали. Очень хорошо и умно говорили. Правда, Петя?

Сын, уже успевший вернуть очки на их законное место, ответил неожиданно густым басом:

– Да, мама.

– Арина Виолова… – повторил Анатоль. – Поправьте, если я ошибаюсь. Сериал «Тайна лисицы» ведь снят по вашим произведениям?

– Верно, – ответила я. – В основе стодвадцатисерийного проекта лежал мой роман. Но уже на пятом фильме сценарий стали писать другие люди.

– Замечательное кино! – обрадовалась Галя. – Захватывающее! В особенности именно первые пять серий, потом не так интересно. Правда, Петяша?

– Да, мама, – покорно согласился Петр. Потом он вынул из кармана толстовки маленький блокнотик, шариковую ручку и начал что-то быстро писать, загородив левой ладонью текст.

Галина живо отняла у парня и то и другое и спокойно сказала:

– Дорогой, ты сидишь за общим столом, а не в своей комнате. Поговори с нами.

– Да, мама, – привычно ответил студент.

– Очень рад, что в нашей компании присутствует известная литераторша, – заявил Анатоль. – Виола, вы поможете нам с текстом новогодней пьесы, если возникнут трудности?

– Постараюсь, – пообещала я.

– Папа, гостья строчит полицейские истории, – фыркнул Сева. – Я не имею ничего против криминальных романов, они нужны простому, малообразованному народу. И вообще лучше уж читать про убийства, чем пить водку. Но если разрешить нашей глубокоуважаемой новой знакомой править новогоднюю пьесу, то зайчик сразу придушит Колобка, и действию кирдык.

– Всеволод, не неси чушь! – одернула его Офелия. – Я обожаю произведения Татьяны Поляковой, Татьяны Устиновой и Милады Смоляковой. Между прочим, у меня диплом о высшем образовании и, кроме того, что я руковожу гимназией, преподаю детям литературу, у меня прекрасный вкус. Извините, Виола, ваши романы пока не открывала, но завтра же куплю несколько книг. Уверена, они произведут наилучшее впечатление.

– Колобка нельзя придушить, – хмыкнул Иван, – он без шеи и тела. Одна голова. Очень удачное, так сказать, телосложение, у него никогда не будет артрита.

Я сделала вид, что поглощена поеданием изумительно вкусных овощей, – Офелия ринулась защищать меня. Спасибо ей, конечно, но я давно уже не обращаю внимания на подобные уколы.

– Теперь, когда все собрались и познакомились, можем начать репетицию! – возвестил Анатоль. – Виола, и для вас будет роль.

– Папа, Агаты нет, – перебил отца Сева.

Хозяин дома замер на секунду с открытым ртом, потом недовольно пробурчал:

– Действительно.

– И бабушка не подошла, – внезапно произнес целую фразу Петр.

– Я тут, – донеслось из кухни, – незримо присутствую со всеми. Не могу отойти от духовки, где сидит торт безе. Упустишь момент – и он превратится в лепешку. Вскоре вынесу десерт. Отлично все отсюда слышу. Кстати, Галчонок, халатик с буковками я тебе купила не на нашем рынке, а в центре Москвы. Стала к старости подслеповата, вот и не разглядела надписей, решила, что это просто беспорядочные загогулинки.

Галина сгорбилась.

– Ой! – раздалось вдруг в кухне. – Больно-то как!

– Что случилось, Екатерина Федоровна? – встрепенулся Иван.

– Палец случайно порезала, – пожаловалась та, – нож у меня острее, чем бритва. Не волнуйтесь, ерунда, сейчас кровь остановится. Жить точно буду.

– А вот и я! – звонко объявил радостный голосок. – Ваще бежала прямо! Теперь сомневаюсь, закрыла хоть магазин-то?

По лицу Офелии скользнула тень, Пени натужно-приветливо заулыбалась, Анатоль прищурился.

– Виола, перед вами моя невестка, очаровательная Агата.

Я взглянула на стройную девушку, облаченную в розовое, щедро усыпанное стразами платье и колготки с шахматным рисунком. Наряд слишком яркий, прямо слепит глаза, но, несмотря на безвкусную одежду, видно: Агата настоящая азиатская красавица, у нее раскосые глаза, оливковая кожа, черные волосы и миниатюрная фигурка.

– Надеюсь, что хорошо закрепила жалюзи, – продолжала вошедшая, усаживаясь на противоположном от Анатоля конце стола.

– Агаточка у нас бизнесмен, – сладко пропела Офелия, – торгует прекрасными платьями из США, они вмиг разлетаются. Кисонька, ну нельзя же постоянно думать о бизнесе, иногда надо расслабиться, отдохнуть.

– Вот только позвоню Марьяне, велю ей сноситься на рынок и проверить, опущена ли решетка перед дверью магазина, – выпалила Агата. – Не хочется, чтобы товар сперли.

– Украли, – поправила Офелия. – Девушка из приличной семьи должна употреблять такой глагол.

– Угу, – отозвалась Агата и вытащила мобильный.

Анатоль предостерегающе кашлянул.

– Вау, начисто забыла правило номер десять! Нельзя пользоваться сотовым во время ужина! – весело воскликнула жена Севы и вскочила.

– Будем считать, что меня тут пока не стояло. Ща вернусь…

Агата молнией ринулась в коридор, и оттуда долетел бойкий голосок:

– Привет! Берешь задницу в горсть и шлепаешь на точку. Я, жопа безголовая, дверь оставила без защиты. Давай, давай, не скрипи! Хватит с нас тюка, который на таможне скоммуниздили.

В столовой секунду висело молчание, потом Офелия нашлась:

– Восхитительный кролик.

– Нежный, как масло, – спешно добавила Галя.

– Подливка такая ароматная, – внес свою лепту Иван.

– Картошка во рту рассыпается, – сказала Лида.

– Ну, все, я пришла, явление номер два! – провозгласила Агата, влетая в комнату. – Ща наемся до ушей!

Анатоль постучал ножом по бокалу.

– Тише, господа. На повестке дня вопрос о пьесе. Итак, мы покажем русскую народную сказку «Колобок» в новогоднем варианте. Роли я уже распределил. Зайчика сыграет Офи!

– Ей бы больше подошла роль Колобка, – буркнул себе под нос Сева, – очень уж тучный длинноухий получится.

Анатоль метнул в сына сердитый взгляд и продолжил:

– Лиса – Пени, Ваня у нас медведь, Всеволод черепаха.

– В «Колобке» было пресмыкающееся? – удивилась Галя.

– У нас слегка переработанный вариант, – напомнил Анатоль, – волка изобразит Петя.

– Ему лучше поручить роль табуретки, на которой сидит дедушка, – высказался Сева.

– С какой стати? – возмутилась Галина. – Петяша очень талантливый, он способен выучить самый длинный монолог. Правда, милый? Не горбись, сиди прямо!

– Да, мама, – пробубнил парень.

У Севы в кармане затрезвонил мобильный. Он встал и вышел в коридор. Все молча занялись едой.

– Агата, подойди сюда, – позвал через пару минут Сева.

– Это не может подождать? – спросила жена.

– Нет! – рявкнул он.

Агата вскочила и поспешила на зов.

– Ну когда же все, наконец, угомонятся и мы начнем репетицию? – возмутился Анатоль. – Сева, что за глупости? Где вы?

– Здесь! – хором отозвались супруги, возникая на пороге. Сева объяснил:

– Валя звонила, попросила меня встретить ее на остановке.

– Что за блажь! – разозлился местный Станиславский. – Почему ты должен к ней бежать?

– Уже поздно, – объяснила Агата, – вдруг на Валечку маньяк нападет!

Пени быстро перекрестилась.

– Типун тебе на язык, дорогая. Некоторые слова лучше не произносить вслух.

Агата откинула со лба прядь волос.

– Страусиная политика до добра не доводит. Вы же сами знаете: в Ковалеве объявился убийца. Весь рынок только о нем и гудит, а полиция не чешется, потому что зарезаны три гастарбайтера. Кому они нужны? Правда, сейчас маньяк успокоился, преступления прекратились, но он может начать заново.

– Валечка студентка и блондинка, – перебила Агату Пенелопа, – ее невозможно спутать с малограмотной таджичкой. Скорей уж…

Пени резко замолчала.

– Вернемся к нашей постановке, – грозно произнес Анатоль.

– Скорей уж преступник меня за малограмотную таджичку примет, ты это хотела сказать? – фыркнула Агата.

– Вот, пожалуйста, торт безе, – произнесла пожилая дама, выходя из кухни.

– Фантастика! – захлопала в ладоши Офелия.

– Потрясающе! – присоединилась к ней Пенелопа.

– Обожаю твою выпечку! – закатила глаза Галина.

– Да, мама, – на автопилоте добавил Петя.

– Тетя Катя, вы волшебница, – произнесла Тонечка, – чур мне кусочек из серединки.

– Маньяк существует, – неожиданно сказала Галя, – он убивал людей.

– Когда это было… – скривился Анатоль. – Последнее происшествие имело место летом.

– Преступника не поймали, – стояла на своем мать Пети.

– Насколько я знаю, он нападал исключительно на мужчин, – протянул Иван. – Я немного интересуюсь психологией преступников, прочитал кое-какую литературу и в курсе, что серийный убийца никогда не меняет объекты. Если уж начал душить мужиков, то баба ему без надобности. Валечке ничего не грозит.

– Хватит! – велел Анатоль. – Всеволод, ты должен…

– Он уже ушел, – подобострастно сообщила Пени.

Режиссер поджал губы.

– Хорошо. Петя, ты готов исполнять роль со словами? Петр, ответь!

– Мальчик побежал в туалет, – пролепетала Галина, – у него живот прихватило. Подливка к кролику была слишком жирной, а Петечка, хоть ему и велели, не ест хлебушка.

– Галя, ты отпустила двадцатилетнего младенца одного в сортир? – всплеснул руками Иван. – Там же опасно! Вдруг он не справится с туалетной бумагой, обмотается ею и удушится? А бачок… В нем же вода! Можно утонуть. Или палец себе оторвать, когда на слив нажимаешь.

– Ваня… – дернула мужа за рукав Лида.

– Петечка постоянно витает в своих мыслях, – пустилась в объяснения Галина, – все из-за этой дурацкой математики. Задумается и идет через дорогу, не глядя по сторонам. Что плохого в материнской заботе? Я была против его увлечения формулами, намного лучше для Пети было бы стать писателем – сидел бы тихо дома, около меня, и работал над книгами. А уж этот его компьютер! Екатерина Федоровна во всем внуку потакает, все разрешает! Кстати, она его заставляет

каждое утро, при любой погоде, кросс в парке бегать. Еще они с мальчиком ходят играть в волейбол, свекровь раньше была членом нашей городской команды. А после пробежки Екатерина Федоровна обливает Петеньку ледяной водой из ведра. Он так мучается! Ужасно!

Галя всхлипнула. Анатоль встал.

– Сегодня нормальной репетиции не получится. Завтра в полдень. Виола, вы у меня будете играть центральную роль – елки.

– Спасибо, – поблагодарила я. – Справлюсь ли?

– Стопроцентно – да, – заверил хозяин дома. – Вне всяких сомнений, вы талантливый человек. Разрешите откланяться? Морфей гладит меня своим теплым крылом. Пени, где разместим Виолу?

– В голубой спальне, – отрапортовала сестра.

Авдеев удалился. Иван и Лидочка переглянулись.

– Мы тоже пойдем, пора на боковую, – заявила она, – но сначала я загляну в библиотеку, возьму кое-какие книжки. Ваня, ты со мной?

– Слопали торт – и в кроватку, – откликнулся доктор. – Лучший способ сохранить привлекательную фигуру – это есть побольше сладкого, мучного и жирного перед сном. Катя, твое произведение кулинарного искусства – просто амброзия!

Пожилая дама поднялась со стула.

– Я старалась. Пойду помою противни.

Пенелопа тоже встала.

– Надо закрыть в спальне форточку, – пробормотала она и покинула столовую.

Следом за ней ушли Офелия, Агата, Иван с Лидой. Мы с Тонечкой остались вдвоем.

– Ну и как тебе? – усмехнулась Антонина.

– Все прекрасно, – заверила я.

– Поскольку у тебя все равно нет компании, то уж лучше встретить Новый год здесь, чем грустить в одиночестве, – вздохнула Тоня. – Особой любви друг к другу члены семьи не питают, но они воспитанные люди, поэтому дальше нескольких щипков дело не заходит. Масштабных скандалов здесь не бывает, а уж тридцать первого декабря все будут лучиться улыбками. Не волнуйся, неделя пройдет прекрасно. Мы заранее приехали потому, что Анатоль должен провести репетицию.

– Поняла, – улыбнулась я. – А кто будет на Новый год зрителями?

Тонечка начала рушить чайной ложечкой гору безе на тарелке.

– Самый щекотливый вопрос. Раньше, я тебе уже об этом рассказывала, капустник смотрели гости Анатоля, а в годы расцвета театра, кои я отчетливо уже и не помню, число присутствующих могло превысить две сотни. Но теперь… В прошлом декабре тут всего четверо посторонних было. Кого на сей раз позвали, я не в курсе, но, думаю, народу будет раз-два и обчелся. Только не спрашивай, зачем Анатолю устраивать капустник, который некому продемонстрировать. Домашний спектакль нечто вроде талисмана на следующие двенадцать месяцев. Если его не поставить, удача улетит из семьи.

– Ясно, – кивнула я. – Значит, за столом под бой курантов поднимут бокалы лишь те, кого я сейчас видела? И еще пара-тройка гостей?

– Ну да, – подтвердила Тоня. – А что?

– Надо же купить подарки, – улыбнулась я. – Можешь меня проинструктировать, что кому лучше приобрести? Не хочется отделаться кружками или дурацкими сувенирами с символом наступающего года по восточному календарю. Слушай, мне показалось или все дружно недолюбливают Агату?

Тонечка покосилась на арку, за которой находился холл, и понизила голос.

– По мне так она прекрасная девушка, но Анатоль и жабы считают Агату парвеню[8 - Парвеню – выскочка, разбогатевший выходец из низших социальных слоев, стремящийся во что бы то ни стало быть принятым в аристократических кругах.]. Лучше бы подумали, как им повезло. Агатка на рынке белкой крутится, много зарабатывает и фактически содержит Севку. Да и обитателям местного болота от нее много чего перепадает.

– Правда? – удивилась я.

Антонина запихнула в рот увесистый кусок торта.

– Угу. Севка работает у отца, получает за свои мелодии смешные копейки. Правда, некоторое время назад он неожиданно пристроился на телевидение, пишет музыку для каких-то шоу и стал получать нормальные деньги. Не миллионы, конечно, но и не медные пятаки. Прямо смешно, как его раздувает от гордости от того, что он в Останкино свой человек. Сделал себе визитки с надписью: «Композитор, автор музыки к многочисленным телепроектам». Видно, не очень-то ему приятно было в тени Анатоля сидеть. Зато теперь он даже отцу говорит: «Сегодня не могу быть в театре, еду на Первый канал». И Анатоль помалкивает. Раньше-то Севка вроде как папиной собственностью считался, а сейчас нет. Пенелопа библиотекарь, Офелия дослужилась до директора гимназии, но оклад у нее небольшой, так что на зарплату сестричек особо не разбежишься. Анатоля нельзя назвать лентяем, он старательно катается по средним учебным заведениям и детским садам со спектаклями, а еще регулярно устраивает премьеры для взрослых, но на них публика почти не ходит, что, однако, не мешает деду мнить себя великим режиссером. Анатоль считает себя элитой местного общества, небожителем ковалевского разлива. Офелия с Пенелопой брату во всем потакают, Галя и ее свекровь ему в рот смотрят. Иван с Лидой считают за честь пить чай с представителем творческой элиты. Так что дома дед царь и бог. В театре он руководит кучкой не самых удачливых и востребованных артистов, для которых главреж – кумир, они ему поклоняются. Как же, вдруг в следующем спектакле не даст роль собачки, а она же со словами! В общем, с самомнением у дедули порядок, у него, я бы сказала, комплекс сверхполноценности. А вот с деньгами напряженка, ему приходится сражаться за каждый рубль, чтобы тот попал в его карман.

Тоня махнула рукой. Доела торт и продолжила:

– Короче, Авдеевым бешено повезло с Агатой. Девчонка не жадная, вечно в дом еду тащит. А уж учитывая историю Севы… Никто и не предполагал, что он так удачно женится.

– А что с Всеволодом случилось? – спросила я.

Глава 5

Тонечка отхлебнула чаю.

– Сева бледная тень отца, он от него получил лишь один талант – страсть к кобелированию. Я как-то попыталась подсчитать его жен, ну, тех, кого знаю, и получилось двадцать восемь штук. А ведь наверняка нескольких упустила, потому что не встречалась с ними. Знаешь, как Всеволода в театре за глаза называют? Железный Любовник. Кличку придумала Мария Николаевна, заведующая цехом реквизита и декораций, лучшая подруга Офелии, они неразлейвода были. Умная, с чувством юмора, довольно циничная женщина, единственная в коллективе, кто не падал на колени, когда Анатоль появлялся в театре. Мария спокойно спорила с режиссером по поводу всяких бутафорских штучек, а он с ней – вот уж чудо чудное – соглашался и советовался. Причем у них никогда не было интимной связи, Авдеев ей на фиг не нужен. А Анатоль чувствовал это и испытывал к ней уважение. Мария умерла два года назад, и это был огромный удар для Офи. Тетка сблизилась со Светланой, которая теперь на ее месте работает, по-прежнему часто заходит в реквизиторскую, пьет там чай, но, думаю, ей просто приятно находиться там, где раньше она проводила время с подругой. Про что я говорила? Ах да! Именно Мария обозвала Севку Железным Любовником. Это главный персонаж одной из пьес, которую Анатоль поставил в театре. Его герой спит с женщинами, использует их, ломает им жизнь и совершенно не переживает по этому поводу, его не волнует никто, кроме него самого. Но потом он влюбляется в некую Элизу, свой клон в женском обличье, и начинает страдать. Очень похоже на Севку, только тот переживать не способен и никого, подобного Элизе, не встретил.

– Сколько, ты сказала, жен было у Всеволода? – поразилась я. – Разве можно почти тридцать раз расписываться?

Тоня состроила гримаску.

– Я неправильно выразилась. Жены были гражданские, в загсе Сева побывал всего дважды. Сначала с Аней, потому что та забеременела и ее отец устроил Анатолю скандал с фейерверком.

– У Севы есть ребенок? – перебила я.

– Сын, – кивнула Тоня. – Феде сейчас семь, нет, восемь лет.

– Всеволоду приходится платить алименты, – протянула я, – еще один расход в семье.

– Нет, – возразила Тонечка, – Федя остался при Авдеевых, его мать скончалась.

– И где же мальчик? – удивилась я. – Он ни разу не появился в столовой.

– Федора год назад отправили на Мальту, – вздохнула Тоня. – Анечка была милой, Севке вообще везет на хороших женщин. И она обожала мужа, надеялась, что тот изменится, все ему прощала, терпела его хамское отношение и череду любовниц. Она была тихой, скромной, лишнего слова от нее не услышишь. Анну сбила машина, водитель сбежал с места аварии, его не нашли. Федю сначала взял к себе отец Анюты, но он вскоре умер, и тогда мальчик переехал в квартиру Анатоля. Он живой, здоровый ребенок, бегает, кричит, требует к себе внимания, его надо поить, кормить, одевать, воспитывать, учить. Я вообще-то не особенно часто наведываюсь к деду, мне тут не слишком комфортно, но есть дни, когда просто необходимо приезжать. Ну, как сейчас. Репетиция и встреча Нового года – сакральные мероприятия. А еще день рождения Анатоля – осенью, в октябре. Я тогда прибыла с подарками, поздравила деда. В квартире собралось много народа. Шум, гам… и тут подходит ко мне Офелия, говорит: «Тонечка, Федя шестнадцатого улетает учиться на Мальту. Там великолепная школа, полный пансион, прекрасный климат». И чем больше она условия нахваливала, тем яснее я понимала: Анатоль и Севка решили не пожалеть денег и отправить докучливого ребенка подальше от себя. Правда, Офи вроде любила Федю. Она с ним постоянно возилась, книжки ему читала, на спортивные занятия водила. Своих детей у Офелии нет, и мне даже казалось, что Федор ей заменил сына. Но, видно, я ошибалась. Стою, глазами хлопаю. День рождения Анатоля всегда заканчивается в десять вечера.

В это время во дворе устраивают фейерверк, и все отправляются по домам. Но я уехала чуть раньше, около восьми – надо было собраться в командировку, на следующий день рано утром я улетала. Больше я Федю не видела. Офелия как-то обмолвилась: «Что Феде в России делать? На Мальте комфортнее. И билеты туда-сюда очень дорогие, лучше деньги на обучение ребенка потратить».

– Здорово, – пробормотала я.

– Когда Севка женился на Агате, – продолжала Тоня, – я сильно удивилась.

– Почему? – тут же поинтересовалась я.

– Железный Любовник раньше постоянно твердил: «Хорошую вещь браком не назовут», – поморщилась Тонечка. – Расписаться с Аней его вынудил отец девушки, тюрьмой Севку припугнул.

– Тюрьмой? – повторила я.

– Анечке, когда она забеременела, было шестнадцать лет. Понимаешь, да? Севка обожает молоденьких, – объяснила Тоня. – Очень неприятная история, неохота ее озвучивать. А еще Всеволод недолюбливал азиатов. Лет пять назад в театр пришла гримером Фарида, очень симпатичная женщина. Так Севка весь мозг Анатолю съел, каждый вечер дудел ему в уши за ужином: «Зачем тебе эта косоглазая обезьяна? Неужели русских мало? Давай найдем славянку. Китайцам-вьетнамцам следует на рынке торговать, что им за кулисами делать?» И вдруг, бац! Приводит в семью Агату. Мало того, что девушка из Средней Азии, так к тому же владеет магазином на рынке. Сева у нас сноб, любит хвастаться, в каких высоких кругах вращается, Железному Любовнику важно, кто у его дамы сердца родители, где живет пассия, что у нее за машина, какие одежда-духи-сумка. Поверь, он разбирается в шмотках и аксессуарах лучше профессионального байера. Да, Всеволод самозабвенный потаскун, но он никогда не посмотрит в сторону девушки из низших социальных слоев, будь та даже краше молодой Элизабет Тейлор. Мечта нашего Севы жениться на дочери Рокфеллера, да вот беда, он с ней никак не повстречается. Впрочем, сынок Анатоля согласился бы и на наследницу кого-нибудь из российских олигархов. Только и тут облом: ну, не попадаются ему дочки богатых, звездно-знаменитых, влиятельно-чиновных. Всеволод крутил романы с представительницами, так сказать, не экстра-класса – с бэк-вокалисткой известного певца, падчерицей топ-

менеджера банка, но это мелкая рыбешка, он поджидал более жирного улова. И вдруг – Агата!

– Сама сказала, что девушка вполне обеспеченная, – напомнила я.

Тонечка принялась по очереди загибать пальцы.

– Нацменка с ярко выраженной азиатской внешностью, торговка на рынке, состояние не миллиардное, сирота, не имеет сановных родственников. Агата красива, умна, работоспособна, но – совсем не Севкина мечта. До сих пор теряюсь в догадках, почему он ее в загс отвел.

– Добрый вечер, – прервал наш разговор нежный голосок. – А где Агата?

Мы с Тоней одновременно повернулись на звук. Худенькая блондинка, стоявшая на пороге, улыбнулась нам и повторила:

– Не знаете, где Агата? У вас дверь на улицу не заперта.

– Тут я, – послышалось из коридора. – Валюша, ты не замерзла?

– Нет, – ответила девушка. – Извини, что забежала, побеспокоила. Дай ключ.

– Опять посеяла, растеряха! – всплеснула руками Агата. – Сейчас принесу. Сева! Сева! Не раздевайся, проводишь Валю до дома! – закричала она, хотя Севы не было видно. – То-то я удивилась твоему звонку! – обратилась она к подруге.

– Я не звонила, – смутилась Валечка. – Мобильного нет, где-то оставила его.

– Ну ты даешь! – возмутилась Агата. – Разве так можно? Совсем безголовая?

Гостья окончательно сконфузилась.

– Прости, я соврала. Не хотела тебе правду говорить, знала, что расстроишься. Решила солгать, что трубку посеяла. Если честно, у меня и деньги пропали, и косметичка, и пропуск в институт – сумку сегодня утром украли. Хорошо,

паспорт дома остался.

– Где украли? – подскочила Агата.

Валечка покраснела и стала похожа на переспелую помидорку черри.

– В институте. Я ее положила в коридоре на скамейку, заговорилась с кем-то, а когда в аудиторию собралась, не обнаружила на месте. Так обидно! Ой, я сегодня натерпелась: пообедать не смогла, целый день бегала голодная, в метро зайцем пролезла, в автобус кондуктор не пустила. Жутко злая баба! Я ее так упрашивала, но бесполезно, она сказала как отрезала: «Нет денег, иди пешком». В маршрутку тоже не посадили. Ну не идти же и правда до Ковалева на своих двоих? Далеко бы я в сапогах на каблуках не протопала. Агаточка, извини, не могла бы ты… ну… в общем… так неудобно…

– Сейчас дам тебе денег, – остановила ее жена Всеволода. – Почему ты мне от метро не позвонила? Я бы приехала и забрала тебя.

– Так телефон-то тоже украли, – напомнила Валя. – Пожалуйста, заплати за такси, мне пришлось машину взять.

– Сколько? – деловито поинтересовалась Агата. Затем вытащила кошелек, щедро декорированный стразами. – На, держи. Сева, – крикнула она в глубь квартиры, – раздевайся, я сама Валюшу до квартиры на машине доброшу.

– Как же ты умудрилась позвонить Севе? – запоздало удивилась Тоня. – И зачем просила его встретить тебя на остановке, если подкатила на такси прямо сюда, к Анатолю?

Валечка заложила за ухо длинную прядь светлых волос.

– Я же сказала, что пришла без предупреждения. Как бы я Севе звякнула, если осталась без сотового? Даже если б у кого и попросила трубку, то не помню его номер. Он в книжку внесен, но вообще-то я с твоим мужем по мобиле не болтаю, у нас не те отношения.

Агата молча развернулась и унеслась в коридор. Тоня выпрямилась.

– Я что-то не так сказала? – смутилась Валя.

– Валюша, ты приехала к Агате внезапно? Вы сегодня не договаривались о встрече? – продолжила допрос Антонина.

– Сессия в разгаре, мне не до компаний, – пояснила девушка. – Я же на заочном учусь, два раза в год аврал бывает. Нам сейчас лекции читают с утра до ночи. Правда, мне порой удается занятия и в течение учебного семестра посещать, но…

– Короче, сегодня у вас с Агатой встречи не намечалось? – перебила Тоня.

– Нет. Мы во время моих сессий даже не звоним друг другу, – сказала Валентина, – я в полной запарке. Да и Агата велит обо всем забыть, думать лишь об оценках, повторяет: «Диплом о высшем образовании – пропуск в другую жизнь. Не торговать же до старости на рынке! Не звони мне, главное – учеба».

Антонина опустила глаза.

– Понятно. Иди, заплати шоферу.

Но незваная гостья не сдвинулась с места.

– Что случилось?

Тоня сделала вид, что увлечена созерцанием остатков торта на блюде. А я сказала:

– Сева соврал, что вы позвонили ему и попросили встретить у остановки.

– Ерунда какая-то… – занервничала Валя.

– Севы нет дома! – воскликнула Агата, возвращаясь в столовую. – Валюша, там таксист бесится, отдай ему деньги и попроси, чтобы он тебя до дома довез.

Блондинка убежала. Агата же спокойно направилась в коридор.

– Пойду-ка я спать. Завтра безумный день. Народ кинулся за подарками и прочими новогодними покупками. Самый ад будет тридцатого декабря, до него рукой подать, но и сейчас уже просто атас!

Мы с Тонечкой опять остались вдвоем.

– Вот мерзавец! – с чувством произнесла подруга. – Поняла, да?

– Не совсем, – осторожно ответила я.

Тоня скривилась.

– Севка вечно по бабам таскается. Не пойму, что они в нем находят? Похоже, ему сейчас очередная обожэ звякнула, к себе затребовала, вот он и придумал звонок Вали, чтобы смыться. Небось знает, что у лучшей подруги жены сессия, она дома не появится и с Агатой трепаться по телефону не станет. Но бог шельму метит – раскрылся его обман в момент.

– Не очень умный поступок, – оценила я действия Авдеева-младшего.

– Времени у него мало было, ничего лучше не придумал, – фыркнула Тоня. – Да уж, наш Железный Любовник совсем не умен. И композитор из него, как из зайца балерина. Какую музыку к спектаклю ни напишет, мне всегда знакомые мелодии чудятся – Мишель Легран, Арно Бабаджанян, «Битлз», Давид Тухманов… У каждого берет понемногу. В суд на Севку не подают только потому, что в театр Анатоля ходят строем только солдаты из расположенной поблизости части, а им что Моцарт, что отставной козы барабанщик, главное, чтоб громко играли. И чего красавчик добился своим кобелированием? Потерял сегодня жену. Агата все поняла, а она не из тех, кто с мартовским котом жить станет. Вот уж Анатолю подарок на Новый год!

– Сева быстро найдет следующую супругу, – пожала я плечами.

Тонечка, усмехнувшись, обвела рукой стол.

– Большой секрет маленькой семьи. Эти вкусные продукты принесены Агатой. На шее у Офелии висит тонна бус. Думаешь, чей это подарок? Анатоль щеголяет в

модных рубашках и пахнет французским парфюмом, а в разговорах с посторонними нет-нет да и вставит, что он теперь одевается в Париже, дескать, там выбор лучше и товары дешевле. Но Париж к нему на дом в пакете приносит жена сына. Если Агатка всем ручкой сделает, мои ковалевские родственники в сто раз хуже жить станут. Ну, почему Севка утихомириться не может? Я думала, он остепенился и ценит Агату. Она первая, с кем наш Казанова вежливо и даже ласково разговаривает, а Анечку прямо на свадьбе послал. Отлично помню! Я была подружкой невесты, сидела около нее. Сева еще в загсе пить начал, шампанским накачался. Гости закричали «горько», свежеиспеченного супруга передернуло, но Анатоль так на сынка зыркнул, что тот встал и обнял только что обретенную жену. А я заметила, как он ее тайком за спину ущипнул. Анечка вскрикнула, отстранилась, и тут Севка во весь голос рявкнул: «Видали? Я к ней с любовью, а она шарахается. Отлично! Не хочу целовать жену, которую при виде мужа воротит». Отец Ани вскочил…

Тонечка махнула рукой.

– В общем, скандал получился всем свадьбам на зависть. Потом народ успокоился, гости напились, плясать пошли. Анечка ко мне повернулась и говорит: «Я Севу очень люблю, ношу нашего ребенка и счастлива». Ладно, нечего старые истории вспоминать, они бурьяном поросли. Ах да, чуть не забыла. Твои подарки должны быть красиво упакованы. Анатоль придирчив к любой мелочи. Тебе-то он ничего не скажет, а мне потом мозг вынесет, будет при каждой встрече талдычить: «Вот, Виола нас не уважает». Ты еще не потеряла желания тесно пообщаться с кровными родственничками? Впрочем, я искренне считаю: лучше такая компания, чем одиночество в новогоднюю ночь. Но, признаюсь, я тебя сюда еще и потому прихватила, чтобы хоть одного нормального человека рядом во время праздника видеть.

– Тонечка, – остановила я ее, – родичей не выбирают. У нас они с тобой вот такие. Спасибо, что предупредила насчет упаковки подарков, когда буду приобретать, прослежу. До праздника еще есть время, успею купить. Кстати, я ведь просила тебя посоветовать, кому что выбрать.

Тоня встала.

– Черт, еще об одной детали не сказала! Кульминация каждой репетиции капустника – вручение сувениров.

Я опешила.

– Все получают презенты заранее?

Антонина начала собирать со стола тарелки.

– Нет. Вернее, да, только их никто не раскрывает, коробочки и пакетики лежат до новогодней ночи под елкой. Анатоль осматривает подношения и порой заявляет: «Нет, так не пойдет! Почему все завернули сюрпризы в красную бумагу с золотом? Давайте сделаем разноцветные упаковки!»

– Ну и ну, – только и смогла сказать я. – И вы в самом деле переупаковываете подарки? Почему потакаете Анатолю?

Тонечка двинулась на кухню со стопкой посуды.

– Офи и Пени обожают брата, Сева отца боится, Иван и Лида считают его гением, Галя и Катя им восторгаются, Петю никто не спрашивает, да и презенты за него покупает мать, Агата хорошо воспитана, в чужой монастырь со своим уставом не лезет, а я не любитель скандалов. Так что все просто. Завтра с утра сбегай на рынок и возьми там пустых коробок по числу присутствующих, положишь туда камешков для веса, и все. Главное, традиция не будет нарушена. А когда купишь подарки, балласт выбросишь.

– Уж лучше сразу приобрету нужное, – возразила я. – Давай помогу с уборкой.

Мы составили тарелки и чашки в посудомойку. Потом я пошла в прихожую, где оставила свою дорожную сумку, и заметила, что на полу валяется мужская черная куртка с капюшоном. На меховой оторочке сверкали крохотные капли воды.

Сзади послышался стук захлопнувшейся двери. Я обернулась и увидела Екатерину Федоровну, которая несла гору сияющих чистотой металлических противней.

– Испугала вас? – улыбнулась она. – Всем хороша посудомойка, но в ней противни не очистить и не высушить. Здесь, в кухне, раковина керамическая, и

хотя говорят, что они очень прочные, я все равно опасаюсь, вдруг поцарапаю, поэтому таскаю мыть противни в театр. Там в буфете здоровенная лохань из нержавейки, ее не жалко.

Я показала на небольшую дверь в углу, откуда появилась Екатерина Федоровна.

– Тут вход в помещение театра?

– Верно, – подтвердила пожилая дама, – о нем известно только своим. Ой, Петя опять у куртки петельку оторвал. Прямо не знаю, что с ним делать! Повесит одежду, зачем-то вниз дернет и уйдет, а вещь – хлоп, и на пол. Сто раз ему говорила…

Продолжая ворчать, Екатерина Федоровна положила противни на диванчик, подняла куртку и встряхнула. Затем открыла шкаф и достала оттуда сухое светло-серое пальто, пробормотав: «Повешу-ка я свою одежку на крючок». Пальто отправилось на общую вешалку, а куртку Пети она устроила на плечиках и убрала в гардероб. Наведя порядок, подхватила кухонную утварь и ушла.

Я забрала сумку и хотела пойти в отведенную мне комнату. Но услышала из столовой тихие голоса, удивилась и решила глянуть, кто там.

За столом сидели Иван, Лида, Пени и Галя. Очевидно, на моем лице отразилось удивление, потому что психотерапевт приложил палец к губам и произнес:

– Тсс! Анатоль думает, что мы ушли домой.

– Его в кабинете отвлекает Офи, – прошептала Пенелопа, – попросила брата с ней роль в капустнике разобрать.

– А мы тут сюрприз готовим, – хихикнув, пояснила Лида. – Хотим Анатоля в Новый год удивить и вот думаем, как. Может, попросить Катю испечь «хитрый» торт? Ну, с фейерверком внутри.

– Кстати, где Екатерина Федоровна? – спросил Иван.

– И где Петечка? – занервничала Галина. – Мальчика до сих пор нет. Петяша!

– Замолчи! – шикнула на нее Лида. – Вдруг Анатоль услышит, весь сюрприз насмарку. И вообще оставь парня в покое, он уже взрослый. Замучила ты Петю своей опекой.

– У вас детей нет, – огрызнулась Галя, – вам не понять. Петенька ранимый, беспомощный, крайне эмоциональный, он еще не оформился как личность.

– И не повзрослеет, если мать под колпаком держать будет, – не успокаивалась Лида. – Смешно смотреть, как ты… Да вот же он.

– Петенька! – подскочила на стуле Галя. – Ты где был?

– В туалете, – откровенно ответил парень.

– Опять животик заболел? – всплеснула руками мать. – Бедненький мой!

– Давайте не будем обсуждать состояние желудка Петра, – остановила сердобольную «наседку» Екатерина Федоровна, выходя из кухни. – Ну, что решили с сюрпризом?

– Виола, присоединяйтесь к нам, – велел Иван, – будем ломать головы вместе.

Глава 6

Для меня покупка новогодних подарков трудная задача. Раньше, в эпоху тотального дефицита, было намного легче. Коробка шоколадных конфет, набор импортного туалетного мыла, польская косметика, даже банка каких-нибудь экзотических консервов, вроде ананасов в сиропе, вызывали припадок эйфории у того, кто получал такой презент. Но кому, скажите на милость, сейчас нужен тропический фрукт? Ими заполнены полки во всех супермаркетах. Интересно, какие бы эмоции я испытала лет этак двадцать назад, оказавшись незадолго до Нового года на рынке, подобном ковалевскому, да еще с туго набитым кошельком? Небось скончалась бы от счастья! А вот сегодня мне тут ничего не нравится. Не дарить же Анатолю кружку с изображением удава, на которой

красуется стишок: «Год змеи вползет в твой дом, будет радость в нем».

Я замерла около булочной с вывеской «Пироги Собакина». На мой взгляд, не совсем удачное название, у меня сразу возникает вопрос, что за начинка в фирменных пирожках. Но, похоже, покупатели не смущаются – то и дело заглядывают в пекарню. Только я туда все же не пойду, лучше загляну в соседний магазин, нечто вроде «Тысячи мелочей».

Толкнув тяжелую железную дверь, я втиснулась в небольшой торговый зал, встала у прилавка среди других посетителей и начала рассматривать массу сувениров, невольно вслушиваясь в беседу, которую продавщица вела с мужчиной в добротной дубленке.

– Лучший подарок теще – чайный сервиз со змеиной тематикой, – вещала девица. – Сделан в Англии из костей фарфора[9 - Белый, с легким оттенком топленого молока, почти прозрачный фарфор называется «костяным».], расписан вручную, можно мыть в машинке.

– Не, не надо, – промямлил покупатель.

– Если сейчас возьмете, получите второй набор посуды в подарок, – продолжала торговка.

– Такой же или другой выбрать можно? – заинтересовалась тетка в розовой куртке.

– Исключительно змеячья тематика, – уточнила продавщица. – Очень современно! Берите! Английская королева себе такой заказала, я точно знаю, мне на фабрике сказали, когда товар отгружали.

– Мань, унитазные крышки куда переложить? – закричали из подсобки.

– Оставь, где лежат, – ответила девушка.

– Не хочу посуду с ужами, – закапризничал мужик в дубленке. – Не дай бог, теща подумает, что я считаю ее коброй. Найдите что-нибудь элегантное, полезное, веселое и недорогое.

Маша призадумалась.

– Дочка, а со скидкой что-нибудь есть? – поинтересовалась старуха в мохеровой шапке.

– Пока ничего не уценяли, – ответила Мария, – приходите тридцатого.

– А чашечки, вон те, почему отдельно стоят? – не успокаивалась старушка.

– Они бракованные, их выкинут, – пояснила девушка. – У одной рисунок смазан, а вторая с ней по размеру не совпадает, и ручку отбили. Вот народ! Втюхали на фабрике заведомую дрянь.

– Ой, а можно я их заберу! – ажитировалась пенсионерка. – Подарю подружкам.

– Бабуля, – ласково пропела продавщица, – но ведь подруги ваши поймут, что вы им плохую посуду всучили, и обидятся.

– А вот и нет! – возразила пожилая дама. – Обе ничего не видят, да и в очках подслеповаты. Давай брак! По молодости я б им такое не преподнесла, а сейчас они ничего не разберут.

Маша сняла с полки чашки, о которых шла речь, поставила на прилавок и объявила:

– С вас двадцать рублей!

– Вот здорово! – ахнула бабка. – Они ж на выброс предназначались! Откуда тогда цена?

– За упаковку, – сердито пояснила Маша. – Бумага с изображением питонов и со слоганом «Змея вам на счастье».

– Не надо, – решительно отказалась пенсионерка. – Возьму в супермаркете «Территория еды» два ихних пакета, они бесплатные. Пусть все думают, что кружечки там купила, не на рынке брала, а в приличном месте затарилась.

Я постаралась не рассмеяться. Бабка со скоростью молодой белки схватила чашки и резво выскочила из павильона.

– Ну ничего себе! – возмутилась Маша. – Получила за так импортный товар, оскорбила магазин и усвистела. Ни мне «спасибо», ни вам «до свиданья»!

– Мань, куда крышки от унитазов класть? – снова заорали из глубины лавчонки.

– Не трогай их! – закричала продавщица. – Сколько раз еще тебе, Ленка, повторять?

– Девушка, я стою тут уже год без внимания, – надулся мужчина в дубленке. – Между прочим, я ваш постоянный покупатель, вот скидочная карточка.

– Так у вас могут цену скостить? – встрепенулась тетка в розовом пальто.

Маша взяла в руки картонный прямоугольник, начала его изучать и одновременно объясняла:

– Только после пятой покупки. Карточка накопительная, и она именная, другому передать нельзя. Здрасти, Михаил, мы вам рады. Что хотите? Подарок на Новый год?

Михаил откашлялся.

– Да, для тещи. Она женщина практичная, ей надо что-то полезное. Духи-косметику не любит, с платьем ошибусь в размере, всякие статуэтки-сумки даже не предлагайте, отругает за выброшенные зря деньги.

– Есть прекрасная картина, – обрадовалась Маша и вытащила на свет божий большой постер. – Новогодняя тематика, не ширпотреб, работа талантливого художника, называется «Змеи в сосновом лесу». Рамочку подберем по вашему желанию.

Я взглянула на предлагаемый товар и ущипнула себя за запястье. Вилка, не вздумай расхохотаться во весь голос! Некий живописец изобразил на картоне копию картины Ивана Шишкина «Утро в сосновом лесу», вот только вместо

медведей на стволах деревьев висят удавы.

Михаил нервно засопел.

– Красота какая! – искренне восхитилась тетка в розовом. – И почем она?

– Три тысячи, – назвала цену Маша.

– Дорого, – расстроилась покупательница.

Мария решила ни в коем случае не упускать клиентку.

– Так вам же еще рамочку по выбору сделают. Можно даже золотую или серебряную. И, если пожелаете, художник слова напишет. Эй, Абдулла, высунься!

Низкая дверь справа от прилавка открылась, появился красивый стройный молодой азиат в потрепанных джинсах и зеленом дешевом китайском пуховике.

– Я Азамат, – тихо сказал он.

– Вот он любой текст намалюет, – не обращая внимания на робкое замечание парня, частила Маша. – Вчера один хохмач попросил красной краской на живописи вывести «С Новым гадом!». Между прочим, тоже теще дарил. Да, Абдулла?

Азамат молча кивнул.

– Берете? – наседала продавщица. – Живопись – лидер продаж. Еще ковры были, но их вмиг расхватали. Будете тянуть, и вам произведение искусства не достанется.

Женщина в розовом поджала губы и отошла в сторону.

– Нет, теще надо такое, чтобы полезное, – тоже отверг картину Михаил. – И подешевле. У меня на всех восемь тысяч отложено, семья большая, дети, жена.

Маша откашлялась и заорала:

– Ленка!

Азамат исчез за дверью, вместо него из служебного помещения выскочила девица в клетчатых зелено-красных брюках.

– Чего?

– Елена учится на психолога-консультанта, – торжественно заявила Мария, – она вам подберет нужное. А я сейчас вернусь.

Продавщица скользнула за створку. Елена оперлась руками о прилавок.

– Сколько лет вашей теще?

Михаил задумался.

– Семьдесят вроде, точно не помню.

– Когда за шестьдесят перевалило, уже без разницы, сколько точно, – хихикнула Лена. – Чем она увлекается?

Покупатель напрягся.

– Телик смотрит, покушать любит, еще «Желтуху» читает.

– Набор посуды! – предложила девушка.

– Нет, тарелок в доме полно, – буркнул он.

– Со змеями, – вкрадчиво добавила Лена, – и стихами. На каждом блюдечке свои слова. Например: «Змея нечаянно нагрянет, когда ее совсем не ждешь, и каждый вечер сразу станет удивительно хорош». Или такой…

– Не надо, – перебил Михаил, – хочу другое. Чтоб на каждый день и веселое, с юмором. Но серьезное и полезное. И недорого.

– Ленка, куда ты сунула сидушки для толчка? – завопила из подсобки Маша.

– Точно! – подпрыгнула психолог-консультант. – Это вам ваще, как родное, подойдет. Секундец! Уже бегу, я туда-сюда!

Елена нырнула за дверь и тут же выскочила назад, держа в руках круг для унитаза.

– Ваша теща девочка, поэтому я захватила розовый, – зачастила девица. – Вот если б тестю брали, тогда голубой. Гляньте, какая штука! Нужна каждый день! Стоит двести пятьдесят семь рублей. Но у вас скидка, получите за двести пятьдесят три и сорок восемь копеек. Дешевле только шаурма.

– Ну… штука, конечно, и полезная, но… скучная, – вынес вердикт Михаил. – Обычная, не новогодняя.

– Ой, вы главный прикол не видели! – засуетилась Елена. – Вот, внимание! Тишина!

Лена положила сиденье на табуретку и села сверху. По магазинчику полетел писклявый голос с откровенно украинским акцентом: «Хэппи бёздей ту ю! Хэппи бездей ту ю! Хэппи бездей ту гёрла, хэппи бёздей ту ю».

– Слышали? – воскликнула психолог-консультант. – Там музыкальный чип. Вы английский знаете?

– Нет, – хором ответили Михаил и тетка в розовом.

– Перевожу! – торжественно объявила Елена. – «Желаю счастья всем всегда, вперед на долгие года». Отличный текст! Пойдет ваша теща утром в сортирчик и получит заряд позитива.

– Беру! – обрадовался покупатель. – Только упакуйте празднично. В цветную бумажку и с бантиком.

Я бочком-бочком направилась к входной двери. Нет, в этой лавке ничего подходящего мне не найти. Хотя, может, подарить Анатолю крышку, вдохновенно поздравляющую посетителя туалета с днем рождения на английско-украинском суржике? Интересно было бы посмотреть на реакцию режиссера!

В кармане ожил мобильный, и я быстро выскочила из магазина, на ходу доставая трубку.

– Где ты находишься? – забыв поздороваться, спросила Тоня.

– На рынке, пытаюсь найти подарки, – ответила я и внезапно испугалась, – а что случилось?

– Пожалуйста, как можно быстрей возвращайся в квартиру Анатоля, – попросила подруга. – Сева умер, труп нашли на улице.

– Боже! – прошептала я. – Уже несусь, буду через десять минут.

Запихнув трубку в сумку, я ринулась к центральному входу, миновала пару палаток с одеждой, повернула направо, ожидая увидеть большие ворота, в которые прошла на толкучку, и замерла на месте. Впереди вместо забора стояло приземистое серое здание с вывеской «Секонд-хенд на все случаи жизни».

Глава 7

Несколько минут я бегала по узеньким проулочкам, вдоль которых стояли однотипные лавчонки, набитые дешевыми шмотками, потом догадалась обратиться к вьетнамке в стеганом пальто.

– На площадь хочешь? – прочирикала та с сильным акцентом. – Ходи лево, лево, прямо вперед.

Я пошла в указанном направлении, снова непонятно как очутилась у того же секонд-хенда, развернулась, поспешила направо и поняла: без сопровождающего мне отсюда не выбраться. Стою в узком, как нора, проходе, с одной стороны маячит нечто вроде сарая, с другой тянется ряд мусорных бачков.

– Не нервничай, милый, – раздался вдруг женский голос, – непременно придут хорошие времена. Твой талант оценят.

– Утешаешь меня, как маленького, – ответил приятный баритон, – устал я.

– Держись, мой дорогой. Помни, удача приходит к терпеливым. И она к нам непременно придет! – пообещала собеседница.

Я сообразила, что звуки идут из дощатого сарайчика, подошла к нему и заглянула в щель между досками. Сразу стало ясно, хлипкое сооружение на самом деле склад, заваленный тюками, а на небольшом свободном пространстве стоит дряхлый диван, на котором, обнявшись и прижавшись друг к другу, сидит влюбленная парочка. Я сначала не узнала их, потому что оба опустили головы и сгорбились. Но потом они выпрямились, и я вздрогнула. Агата! А ее приятель оказался Азаматом, живописцем из сувенирной лавки.

– Пора на работу, иначе меня Маша сожрет, – мрачно сказал он.

– Ты ел? – озабоченно спросила Агата.

– Да, – кивнул молодой человек.

– Не ври! – погрозила ему пальцем Агата. – На вот, возьми, купи у Али шаурму.

– Сам заработаю, – оттолкнул ее руку Азамат, – я мужчина.

Агата нежно погладила его по голове и поцеловала в щеку.

– Конечно. Но сейчас прими мою помощь. Тебе нельзя голодать, на улице зима, ты заболеешь!

Художник ничего не сказал, а Агата продолжала:

– Тебе мама сказки про богатыря Даута рассказывала…

– И чего? – вскинулся Азамат. – Он тут к чему?

– Помнишь, что умная старуха сказала Дауту? – терпеливо спросила Агата. – Хочешь победить врага – стань сильнее и лучше него. Не отдавай свой плов жене и детям. Сейчас ты их накормишь, сам ослабеешь, и когда недруг придет, не сможешь с ним сразиться. Лучше сам съешь рис с мясом, вот тогда храбро защитишь свою семью.

Азамат криво усмехнулся.

– Пока не очень-то я на Даута смахиваю.

Агата снова поцеловала художника в щеку.

– Ничего, все у нас еще будет.

– Хоть бы он умер, – перебил Азамат. – Все живет и живет…

– Не впадай в депрессию! – воскликнула Агата. – Скоро у нас начнется счастливая жизнь, думай лучше об этом. Я тебя люблю, милый.

– И я тебя, – пробормотал Азамат. – Но сил почти уже нет. Я устал. Прости, больше не могу. Надоело скрываться, встречаться с тобой тайком, урывками. Хочу жить вместе, в большом доме с садом и…

Агата схватила парня за руку.

– Ладно, слушай. Уже все! Понимаешь? Все закончено! У нас теперь есть деньги! Мы победили! Получим все! Ждать осталось совсем недолго, до начала лета, и тогда исполнятся наши желания. Все, о чем мы мечтали вдвоем! Слушай, это случилось только что. Мне позвонили минуту назад и сообщили…

Азамат было открыл рот, а Агата быстро принялась нашептывать ему что-то на ухо. По мере того как она говорила, глаза Азамата все больше сужались.

– Неужели? – ахнул парень. – Он умер? Это правда?

– Да, – кивнула Агата, – сейчас черти в аду радуются, заполучив его черную душу. Но нам надо соблюдать осторожность, его смерть не должны связать с нашими именами. Будем ждать шесть месяцев. И тогда…

У Агаты запищал телефон, она глянула на экран.

– Мне пора бежать. А ты иди к Маше и не унывай. Скоро отпадет необходимость скрываться, открыто пойдем с тобой рука об руку по улицам. Верь мне.

– Твои слова да Аллаху в уши… – прошептал Азамат. – Я тобой горжусь и восхищаюсь!

Агата потянула юношу за руку.

– Наша любовь пробьет стены и все победит. Пошли.

Пара исчезла за тюками, я отошла от дощатой стены. У Агаты есть любовник! Секрет семейного счастья Севы прост: он изменял супруге, а та бегала налево от мужа, и все были довольны. Ну да это не мое дело. Надо думать не о чужих отношениях, а о том, как выбраться с рынка. Попробую вернуться в магазин Маши, надеюсь, сумею отыскать лавку. Судя по тому, что вокруг никого нет, я забрела не в торговую часть базара, а туда, где склады, тут мало народа. Сзади раздался скрип, я обернулась. Замотанная в многочисленные платки фигура толкала тележку, на которой громоздились темно-коричневые картонные коробки.

– Простите, как пройти к выходу? – обрадовалась я.

Из груды тряпок высунулась рука и показала на лист фанеры, прикрепленный к кирпичной стене.

– Туда, – прохрипел голос.

Я подошла к ограде, легко отодвинула деревяшку, пролезла в образовавшуюся щель и – о радость! – увидела вдалеке железные ворота…

Антонина встретила меня в прихожей. Я вдохнула резкий запах валокордина и вздрогнула:

– Анатолю плохо? Хотя это идиотский вопрос! Что случилось с Всеволодом? Он попал под машину?

Тоня молча подождала, пока я сниму сапоги, куртку, потом, приложив палец к губам, быстро провела меня по коридору в крошечную спальню, где из мебели стояли кровать, тумбочка и миниатюрный, прямо-таки кукольный стул. На постели сидел мужчина, одетый в дешевый костюм и серую водолазку.

– Знакомьтесь, – заговорила наконец Антонина. – Виола Тараканова, она…

– Под псевдонимом Арина Виолова пишет детективные романы, – перебил ее незнакомец. – Добрый день, я видел вас по телевизору. Наверное, надо сказать: «Рад личной встрече с известной писательницей», но в данной ситуации эта фраза неуместна. Я следователь Григорий Пономарев.

– А заодно мой бывший одноклассник, – добавила Тонечка. И выпалила: – Севу убили.

Я плюхнулась на кровать.

– Кто? За что?

– Отличные вопросы, – вздохнул Григорий, – но на них нет ответа. И возникла куча проблем. Анатоль меня терпеть не может. Офелия и Пенелопа побоятся рот раскрыть, потому что брат им запретит что-либо рассказывать. Иван с Лидой режиссера боготворят, из них слова о вчерашнем вечере не вытянуть. Галина с Екатериной Федоровной тоже воды в рот наберут, Петю не стоит в расчет принимать, он всегда молчит. Остаются три разумных человека: Тоня, вы и Агата. Но последняя внезапно стала вдовой и навряд ли готова к конструктивному разговору. Вы хорошо помните, когда Сева ушел из дома? Куда

он направился?

– Вам надо непременно поговорить с Валентиной, – подсказала я, – это лучшая подруга жены покойного.

– Михеева, – кивнул Григорий, – она сейчас в Москве, на сессии. Звоню ей, но телефон отключен.

– У Вали украли сумку, – пояснила я. – Знаете, вышла такая странная история…

– Я уже рассказала, как Сева солгал, что пошел встречать Валю, – перебила меня Тоня.

– Глупее не придумать, – хмыкнул Пономарев. – Удивительно, что Всеволод не подумал: «Сейчас совру о просьбе Вали, а она с Агатой встретится и правда выяснится, ведь Михеева никогда мне не звонила».

– Девушка сказала, что во время сессий с Агатой вообще не общается, – вспомнила я, – владелица магазина не хочет мешать подружке зубрить билеты.

– Все равно тупой повод Сева придумал, чтобы из дома удрать, – уперся следователь.

Тонечка решила повторить придуманную вчера нами версию.

– Похоже, ему неожиданно звякнула очередная пассия, он растерялся и брякнул первое, что на ум взбрело. Ты же можешь попросить у сотового оператора список тех, кто вечером связывался с Севой?

– Конечно, – кивнул Григорий.

– Вот сразу и увидишь номер абонента, – обрадовалась Антонина. – Сходишь к дамочке и спросишь: «Дорогуша, вы вчера звонили Всеволоду. Чего хотели?»

– А что случилось с Севой? – запоздало поинтересовалась я. – Его действительно убили? Может, все-таки несчастный случай?

Пономарев вынул из кармана пачку сигарет и стал задумчиво вертеть ее в пальцах.

– Результатов вскрытия у меня пока нет. Но ножевая рана на спине, чуть пониже левой лопатки, заставляет думать о насильственной смерти. Тело нашли в Солнечном переулке, недалеко от театра, утром, в районе восьми. Несколько грузчиков шли от автобуса к рынку и наткнулись на труп. Его никто не прятал, Всеволод лежал прямо на тротуаре. По количеству крови можно сделать предположение, что Авдеева-младшего убили именно там, в малолюдном переулке, по которому после девяти вечера вообще никто не ходит. Зачем Сева туда пошел?

– А ты проверь дом, который расположен за перекрестком, – посоветовала Тоня. – Я уверена, что в нем живет очередная баба Железного Любовника, он к ней шел.

– Ревнивый муж… – протянул Григорий.

– Или обычное ограбление, – выдвинула я другую версию. – Неподалеку рынок, где полно разного народа.

Следователь открыл пачку сигарет и стал нюхать.

– Нет. На руке покойного остались часы и печатка, похоже, золотая. В кармане мобильный, на шее цепочка с большим крестом, она, как и кольцо, тоже, вероятно, из драгоценного металла.

– Слышала, в вашем городе орудует маньяк, который нападает исключительно на мужчин, – вспомнила я.

Григорий вытащил из пачки сигарету и стал разминать ее.

– Говори уж! – приказала Тоня. – Вижу, у тебя на языке что-то вертится.

Пономарев тяжело вздохнул.

– Пытаюсь бросить курить, врач приказал забыть про баловство.

Но Антонина не дала бывшему однокласснику сменить тему беседы:

– В Ковалеве и правда орудует серийный убийца? Да или нет?

– Ну… похоже, это гастролер, покуролесил у нас и уехал, – неохотно ответил тот.

– Мог вернуться! – воскликнула я. – Наверное, вы знаете про некоего Спиридонова, он одно время терроризировал небольшой городок в Московской области? Преступник прикатывал туда раз в месяц, убивал кого-нибудь и уезжал домой. Его ловили несколько лет.

– Нет, маньяк тут ни при чем, – твердо ответил Гриша, – он не трогал Севу.

– А каким способом убийца прежде расправлялся с жертвами? – поинтересовалась Антонина. – Я имею в виду здесь, в Ковалеве.

Пономарев поморщился.

– Об этом газеты писали. Нынче, когда у всех мобильники да айпады, трудно сохранить наработки следствия. Непременно кто-нибудь заснимет место преступления и выставит фотки на ютубе. Или «Скорая помощь» постарается. Теперь медики махнули рукой на такое понятие, как врачебная тайна. Хотя не все за деньги продаются. Вон, к Ивану из Москвы народ в затонированных автомобилях приезжает, но сколько к нему журналисты всех мастей ни приставали, он язык за зубами держит. И Екатерина Федоровна кремень. Я как-то пытался к ней подкатиться, требовалось кой-чего об одном мерзавце узнать. «Понимаете, – сказал ей, – это негодяй, на совести которого много преступлений. Ничего особенного не хочу, просто намекните, N приходил к Ивану Леонидовичу в понедельник?» Знаете, раньше я считал, что только московское начальство может так зыркнуть, что ноги немеют, но оказалось, Екатерина Федоровна тоже на это способна. Она меня словно водой окатила и процедила: «Визит пациента к доктору не подлежит обсуждению. Желаете получить сведения о том, кто посещает психотерапевта? Несите ордер от прокурора. Точка».

Тоня взяла меня за руку и пояснила.

– Екатерина Федоровна, свекровь Гали и бабушка Пети, работает секретарем у Ивана Леонидовича. Она очень честный, ответственный человек. Гриша, не уводи разговор в сторону, ответь, почему смерть Севы не связывается с маньяком?

Григорий снова с наслаждением понюхал сигаретную пачку.

– Слушай, съешь уже свои цигарки и успокойся! – обозлилась Тонечка.

– Купите электронную сигарету, – вспомнила я о новомодной штучке. – Многие мои приятели с ее помощью забыли о пагубной привычке.

– Дорого, – неохотно признался Гриша, – не на мою зарплату развлечение. Еще я слышал про иголки, даже записался на прием к специалисту, но… чего-то одному идти в лом.

Антонина подошла к нему вплотную.

– Отвечай конкретно! Не тяни!

– Могу пойти с вами на прием к рефлексотерапевту, – предложила я, – поддержу вас морально.

– Да? Спасибо! – обрадовался Пономарев.

– Почему ты полагаешь, что маньяк ни при чем? – настаивала Тоня. – Потому что его жертвы гастарбайтеры?

– Тебе позавидуют все бульдоги мира, – простонал Григорий, – вцепилась и не отпускаешь. Ладно. Газеты, как водится, все напутали. Только один погибший житель Молдавии, двое других из столицы. Первый приехал за покупками, задержался до закрытия рынка, пошел в ресторан вьетнамской кухни, покинул заведение за полночь, и больше его никто не видел. Второй парень привез в Ковалев свою девушку. Они ходили в кино, а у девчонки строгие родители, ей велят быть дома в двадцать три часа, и ни минутой позже. Влюбленные поцеловались у подъезда, молодой человек должен был укатить назад в Москву на мотоцикле. Но его убили. Внешне жертвы похожи – невысокого роста, отнюдь

не богатырского телосложения, темноволосые, кареглазые. И все они были изнасилованы в извращенной форме с применением постороннего, одинакового во всех случаях предмета, который наш эксперт определить не смог. Палка? Зонтик? Почерк один. Мы не обнародовали эту подробность из этических соображений. В прессу пошли лишь сведения о ножевом ранении в спину, чуть пониже лопатки. И то, что серийщик укладывал тела определенным образом – лицом вниз, руки вытянуты вперед, голова повернута влево, под щекой лежат документы жертвы, рядом кошелек, а на запястье, где часы, рукав задран почти до локтя. Убийца явно хотел этим сказать, что он не гопник, ему их добро без надобности. В случае со Всеволодом насилия не было. Все остальное присутствовало – поза, кошелек, рукав. И Сева подходит по внешности на роль жертвы.

– Подражатель! – в один голос воскликнули мы с Тоней.

Григорий не стал спорить.

– Похоже на то. И теперь надо понять, охотились ли именно на сына Анатоля или тот случайно попался преступнику. Минуточку, сейчас…

Пономарев вынул из кармана запиликавший телефон.

– Слушаю, говори… Уверен? Ага. Ну, спасибо…

– Что-то еще произошло? – встрепенулась Тоня, когда Григорий убрал трубку и вновь схватился за сигаретную пачку, принявшись нюхать ее.

– Еще до беседы с вами я велел проверить входящие и исходящие звонки по номеру Севы, – пробормотал следователь. – Так вот, последний раз ему звякнули в двадцать три семнадцать. А вообще этот абонент соединялся с Всеволодом вчера семь раз, позавчера десять. И ранее звонил не реже.

– Ага, нашли любовницу! – обрадовалась Тоня. – Тебе надо потрясти эту бабу, выяснить, есть ли у нее ревнивый муж, брат, отец.

Я покосилась на следователя. Странно, что он до сих пор покорно слушает Антонину, ни разу не взбрыкнул, не сказал: «Спасибо за ценные советы, но я

профессионал и сам знаю, как работать по делу».

– Нет, – спокойно возразил Гриша, – она одинокая, без семьи. Да ты ее прекрасно знаешь.

– Назови имя! – потребовала Тоня.

– Валентина Михеева.

– Лучшая подруга Агатки? – подпрыгнула моя двоюродная сестра.

Глава 8

– У Вали украли сумку, – напомнила я.

– Это она сказала! – разозлилась Тоня. – Надо же, а Агатка так хорошо к Михеевой относится… Вечно ей одежду дает бесплатно, помогает во всем… А Валентина отплатила подружке по полной программе.

– Странная ситуация, – перебила я. – Зачем Михеевой прибегать к Анатолю домой, если она запланировала свидание с Севой? И Железный Любовник мог придумать другой повод для отлучки. Но он сказал, что Валя попросила проводить ее от маршрутки до квартиры. Глупо как-то.

– Придумать другой повод? – повторила Тонечка. – Какой? Севка не врач, не полицейский, не секретарь при чрезвычайно занятом бизнесмене, не журналист, а местный композитор. Его не могут срочно, причем незадолго до полуночи, вызвать на службу.

Я подняла руку.

– Тише, не горячись. Согласна, в этой ситуации много странностей. Например, такая: зачем вызывать любовника поздним вечером на встречу? Похоже, желание пообщаться с Всеволодом пришло к Михеевой стихийно, иначе б они

заранее договорились, и он изобрел бы веский повод, чтобы удрать из дома. И уж совсем не ясно, почему Валя прибежала к Агате. В чем смысл ее поступка? Михеева закрутила роман с Севой и, естественно, ничего не сказала подруге о своих отношениях с ее мужем. Вчера вечером случилось нечто, заставившее Валентину срочно вызвать Севу. Наверное, это было что-то очень важное, раз девушка побеспокоила любовника поздно вечером. Да еще в тот день, когда Анатоль запланировал репетицию капустника. И вот что интересно! Всеволод, человек не особенно заботливый и нежный со своими женщинами, не послал Валю по известному адресу, а поспешил к ней. Железный Любовник, похоже, был крайне взволнован, раз, чтобы убежать из дома, ляпнул первое, что пришло в голову. Думаю, Сева был основательно напуган. Вопрос – чем?

Тоня вскинула подбородок.

– А здорово они шифровались! Никому и в голову не взбрело Севу с Валькой парочкой считать. Раньше-то наш супермужчина не прятался, открыто новый роман заводил, а старой пассии говорил: «Покедова, мон амур». С Агатой он хорошо жил, никогда с ней не ругался, даже чай приносил, комплименты говорил. Я уж было поверила, что черного кобеля все-таки можно отмыть добела. Ошибочка вышла. Вот удар для Агаты! Одним махом и мужа, и лучшей подруги лишилась. Может, ее наследство утешит?

– Разве Сева богат? – усомнилась я.

– Его мать, Ирина Глебовна, когда сын еще в школе учился, умом тронулась, – пустилась в пояснения Тонечка. – Про Анатоля можно разное думать, но когда Ирина совсем обезумела, он ее пристроил в пансион, где та и жила до февраля нынешнего года. А Севку к себе забрал. У Ирины Глебовны от отца, известного ученого, осталась шикарная пятикомнатная квартира на Патриарших прудах. Анатоль живо оформил над Ирой опекунство, хоромы сдал, а деньги, вырученные за аренду, отдавал за содержание матери сына. Хотя…

Антонина на секунду примолкла, а затем продолжила:

– Вообще-то я не в курсе финансовых вопросов. Может, и не все бабки на оплату интерната шли, Анатолю кое-что и на личные желания оставалось? В феврале Ирина Глебовна скончалась. Поскольку брак их с режиссером никогда не оформлялся, Анатоль ей по закону никто, а Всеволод единственный родной сын.

Через полгода после кончины матери он стал полноправным владельцем апартаментов. И кому они теперь достанутся?

– Анатолю и Агате, – предположила я.

– Нет, одной вдове! – заявила Антонина.

– Отец имеет права на имущество сына, – возразил Пономарев.

– Фокус в том, что Анатолий Сергеевич никогда официально не признавал мальчика своим ребенком, – объяснила Тоня. – Фамилия у Всеволода Авдеев, отчество Анатольевич, но это ни о чем не говорит.

– Режиссер взял сына к себе жить, но не стал оформлять отцовство? – поразилась я. – Почему?

Тоня пожала плечами.

– Вопрос не ко мне. Анатоль человек со странностями. А теперь Сева умер, и квартира перейдет к Агате. Представляешь, сколько стоят пятикомнатные хоромы на Патриарших?

Дверь в спальню распахнулась без стука.

– Хочу знать, что случилось с моим мужем, – сердито сказала с порога Агата. – Почему мне ничего не рассказывают?

Гриша отвел глаза в сторону.

– В случае насильственной смерти…

– Мне плевать! Я хочу знать правду! – заорала молодая вдова. – Немедленно, сию секунду! Что произошло с Севкой?

Меня покоробило имя «Севка» в ее устах, и я сухо произнесла:

– Горе, как правило, плачет.

Вдова на секунду замерла, потом закричала:

– Что она говорит?

– Вы сейчас плохо изображаете скорбь, – спокойно заметила я. – Кстати, Азамат уже в курсе? Ваш любовник знает о кончине законного супруга? Впрочем, глупый вопрос. Естественно, Азамат слышал об этом.

Лицо торговки разом осунулось. Тоня и Григорий с нескрываемым удивлением уставились на меня, а я продолжила:

– Дорогая Агата, если мужчина погибает при странных обстоятельствах, то первой под подозрением оказывается его жена. И вот интересно, очень часто это самое подозрение перерастает в уверенность. Милые, верные, заботливые дамочки частенько отправляют на тот свет горячо любимых мужей. Что вы говорили Азамату, помните?

Агата молчала. Я укоризненно сказала:

– Глупо отрицать знакомство с парнем. Кстати, он очень красив, моложе вас, а на фоне Севы и вовсе смотрится Аполлоном. Азамат всем хорош, одна беда – он нищий, работает на рынке в лавке Маши, малюет ужасные картины вроде «Змей в сосновом лесу». Так вы вспомнили свою беседу с юношей? Она состоялась совсем недавно, буквально час назад.

Агата продолжала стоять столбом, не издавая ни звука. Но было видно, как ее правая ладонь, засунутая в карман юбки, вздрагивает, тонкая ткань не могла скрыть нервных движений пальцев. Я подошла к Агате почти вплотную.

– Ваше нежелание говорить вполне понятно. Ладно, я сама передам содержание вашего разговора. Азамат жаловался, что устал прятаться, встречаться с вами тайком. А вы сказали, надо подождать, придет и на вашу улицу праздник, пойдете рядом не таясь, взявшись за руки. Но Азамат продолжал хныкать, и вы тогда произнесли: «Уже все. Сейчас черти в аду получили его черную душу. Но нам надо соблюдать осторожность, мое имя никак не должно быть связано с его

смертью. Будем ждать полгода». Вроде так. Я ничего не напутала? У меня хорошая память, однако изложить дословно всю беседу сложно. Но можно прослушать запись на диктофоне, я всегда ношу его в сумке и включаю, если надо. В другой раз, когда решите вести откровенный диалог, внимательно проверьте, нет ли неподалеку чужих ушей. Останься Всеволод в живых, я бы никогда не разболтала о вашей тайне, не мое дело, с кем вы спите. Но сын Анатоля убит, вы наследница роскошной квартиры в центре Москвы, которая, по самым скромным подсчетам, стоит несколько миллионов. Не рублей, конечно. И вы обещали Азамату, что скоро будете гулять вместе с ним открыто по улицам. Боюсь, вы обманули парня. Думаю, вам теперь удастся погулять лет через десять-пятнадцать. И убийца никогда не получает имущества своей жертвы. Зря собираетесь ждать полгода, чтобы вступить в права наследства.

Григорий вскочил, одним прыжком преодолел расстояние от кровати до превратившейся в каменную статую Агаты и выдернул ее руку из кармана. Пальцы вдовы сжимали включенный мобильник.

– Ё-мое! – воскликнула Тоня. – Она нажала на кнопку быстрого набора, и кто-то слышал наш разговор!

Гриша сделал попытку выхватить сотовый, но Агата уронила трубку на пол, а потом со всего размаха наступила на него ногой. Послышался треск.

Пономарев укоризненно покачал головой.

– Да, с таким поведением твоему адвокату плохо придется. Это похоже на признание вины и попытку спасти подельника. Молчишь? Негодная тактика, давай лучше сотрудничать. И зря мобильник уничтожила, телефонная компания живо выдаст номер, который ты сейчас активировала. Ну-ка, не двигайся…

Гриша высунулся в коридор и крикнул:

– Сергей, Леня, проводите задержанную в машину! Поговорим с ней в отделении.

Я отошла к креслу, села, подняла голову и столкнулась взглядом с Агатой. В глазах ее плескалось такое отчаяние, что мне стало не по себе.

Спустя минуту два крепких парня увели вдову, Пономарев ушел вместе с ними. Мы с Тоней остались вдвоем.

– Ну ты даешь! – встрепенулась она. – Раз, и делу конец.

– Как-то уж слишком быстро и ловко получилось, – пробормотала я. – И если дотошно разбираться, улик-то нет. Да, я записала разговор Агаты с Азаматом, но он ничего не доказывает, кроме того, что у нее есть молодой красивый любовник. Опытный адвокат легко выручит Агату. И разбитый телефон не подтверждает ее виновности в смерти мужа. Мне не стоило налетать на жену Севы с обвинениями.

Двоюродная сестра села на ручку кресла и обняла меня.

– Ты поступила совершенно правильно, застала Агату врасплох. Она не ожидала этого и выдала себя.

– Агата молчала, – напомнила я.

– То-то и оно! – кивнула Антонина. – Невиновный стал бы возмущаться, потребовал присутствия адвоката, устроил скандал, бросился на обвинителя с кулаками. Агата же вела себя иначе. Да еще тайком позвонила своему любовнику, чтобы его предупредить: смывайся, милый, нас раскрыли. Ты молодец!

Но у меня почему-то с каждой минутой делалось все тревожнее на душе, а перед глазами стояла Агата, снова виделось отчаяние на ее лице.

Тоня, очевидно, поняла мое состояние и решила сменить тему разговора.

– Мы с Гришкой учились в одном классе. Он был жуткий двоечник и в придачу боялся отвечать у доски. А я получала сплошные пятерки. И вечно выпрыгивала из-за парты, ныла: «Ну спросите меня! Я знаю урок наизусть!»

В конце концов Анна Николаевна, классный руководитель, решила использовать излишне активную ученицу – велела мне взять над Пономаревым шефство и подтянуть его по всем предметам. Я принялась за дело и преуспела. Ой, если

расскажу, как я его заставляла параграфы учить! Уговоры не помогали, я Григория била всем, что под руку попадало, один раз с такой силой треснула его по спине стулом, что тот развалился, пришлось Гришке склеивать. И стесняться я его отучила, приказала: «Вышел к доске, только на меня смотришь, если киваю – все о’кей! Начну хмуриться – ты чушь порешь». Он послушался, так мы до десятого класса и работали. Иногда я ему рожи корчила, и Пономарев во время ответа ржать начинал, получал замечание. Но я своего добилась, парень перестал конфузиться. И в милицию Гришка по моей указке отправился. Вернулся из армии и спрашивает: «Тонь, чего дальше-то делать? В институт не поступлю, забыл уже, что в школе учил. Может, шофером устроиться?» Мне его идея показалась тупой. Какая карьера у водителя, кем он может стать после долгих лет работы? Заведующим гаражом? Старшим дальнобойщиком фирмы? Атаманом таксистов? Пораскинула я мозгами и отправила его учиться на милиционера. А потом его в Ковалеве, по месту жительства, на службу взяли, и он в академию МВД поступил. Господи, сколько я с ним билеты зубрила! Сама получила высшее образование, только диплома нет. Зато теперь Гриша начальник в нашем околотке, утер нос всем, кто его в детстве из-за мамаши-алкоголички дразнил.

– Вы были в одном детдоме? – спросила я. – Кстати, а почему тебя при наличии стольких родственников сдали на воспитание государству? Уж извини за любопытство.

– Моя мама умерла, когда я пошла в первый класс. Отца никогда не видела, – пояснила Тоня. – Я тебе уже говорила, у Анатоля было трое детей, все от разных женщин. Режиссер никогда брак не оформлял и о своих любовницах не распространялся. Кто была моя бабушка, понятия не имею, мама о ней ничего не говорила. Мы жили в крохотной квартирке напротив театра, родительница работала бухгалтером, была честной, спокойной женщиной, очень замкнутой, из нее не удавалось и слова лишнего вытянуть. То, что у мамули была сестра Светлана Алексеевна Коломийцева, позор семьи, уголовница, я узнала, уже будучи взрослой. «Опозорила она нас, – сказала мне Офелия, – с подростковых лет гуляла, пила, в компанию плохую затесалась. Мать ее вышла замуж за Лешку Коломийцева, тот непутевую девчонку удочерил, дал мерзавке свою фамилию, отчество. Но все равно люди-то знали, чья кровь в жилах Светки течет. Анатоль и не скрывал, что девочка от него. Очень нам неприятно было, когда Светлану в восемнадцать лет арестовали. Потом она в Ковалеве появилась, пришла к Анатолю, давай плакать: «Ты мой родной отец, помоги, дай денег, купи квартиру». Но брат ее прогнал. И правильно поступил». Вот прямо так Офи и говорила.

Тоня чуть сгорбилась.

– Извини, что такое про твою маму рассказала, но это правда. Я Светлану никогда не видела, а вот деда отлично знала, потому что мы жили через дорогу и я часто заходила к Анатолю. Вроде я нравилась и ему, и Офелии с Пенелопой, но, когда маму похоронили, они не захотели взять меня к себе, сдали в местный интернат.

– Севе повезло больше, – заметила я.

– Не знаю, – серьезно ответила Антонина. – Дядя никогда не распространялся о своем детстве, мы с ним не дружили, хотя у нас не такая уж большая разница в возрасте. Всеволод родился намного позднее моей мамы, скорее он мне в старшие братья годился, но никогда таковым не являлся. Вот Гришка другое дело. Пономарев меня аки верный пес защищал, в обиду не давал, его даже старшие ребята боялись. В интернате жизнь, как на зоне: надо найти кореша и стоять с ним против всего мира спина к спине.

– Удивительно, что ты поддерживаешь отношения с людьми, которые тебя маленькую, как приблудного котенка, из дома вышвырнули, – сказала я.

– Нет, это не совсем так, – улыбнулась Тоня. – Меня забирали на субботу-воскресенье, на каникулы и праздники, покупали одежду, сладости. Офелия и Пенелопа частенько заходили в детдом, интересовались моими успехами. Помню, мне лет десять было, когда Пени со мной откровенно поговорила, как со взрослой. «Анатоль гений, – сказала она, – ему для работы необходима тишина. Ты бегаешь, шумишь, мешаешь деду. И мы все ходим на работу, некому за тобой в течение дня приглядеть, лучше тебе пока в интернате пожить. Мы тебя очень любим, желаем добра, не бросаем. Если случится неприятность, только позови, мигом примчимся». И знаешь, я это совершенно нормально восприняла, никогда не испытывала комплекса сироты, считала себя внучкой Анатоля на удаленном воспитании.

– Отличное выражение – удаленное воспитание, – хмыкнула я.

– Вот Гришка был брошен, – словно не слыша моих слов, продолжала Тонечка. – Его мать лишили родительских прав за пьянку, и вскоре она умерла. Отец

неизвестен, к Пономареву никто в детдом не приходил, в гости не приглашал. Я его пару раз к Анатолю привела, но потом Офи попросила: «Тонечка, мальчику у нас лучше не бывать. Если хочешь его порадовать, можешь принести другу конфет или кусок торта, нам еды не жаль. Но приголубить паренька в семье мы не сможем. Незачем внушать ему несбыточные надежды, еще подумает, что Анатоль хочет над ним опекунство взять».

Антонина повернулась к окну.

– Вот Сева, тот ни разу в интернат не зашел. Он меня недолюбливал. При отце и тетках всегда был вежлив, а если случайно тет-а-тет сталкивались, норовил ущипнуть, вроде в шутку, но очень больно, с вывертом. Или за волосы таскал со всей силы. Один раз целую прядь выдрал, и я пожаловалась Пени. Севку, несмотря на то, что он был большой, а я маленькая, извиниться заставили и наказали. А на следующие выходные, когда я снова к Анатолю в дом пришла, Всеволод меня в кладовке поймал, руки мне заломил и прошипел: «Еще раз наябедничаешь, глаза выколю и язык вырву». Ой, я так перепугалась! Ночь спать не могла, тряслась в кровати, от каждого шороха в ужас приходила, ждала Севку с ножницами или ножом. Наши с ним отношения окончательно разладились, поэтому я в Москву учиться удрала, в общежитии жила, хотя могла в Ковалеве остаться. Но все плохое в конечном счете оборачивается к лучшему. Сейчас бы я прислуживала Анатолю, работала на него, как Сева. А год назад дядя передо мной неожиданно извинился: «Прости, Тонь, дурака я в детстве валял. Пойми меня правильно – я отца обожал и к тебе ревновал. Ну, полный идиот! Ты совсем маленькая была, а я уже почти взрослый. Но ума мне не хватало. Не сердись, давай забудем прошлое. Мы самые близкие родственники, нам положено любить друг друга».

Подруга замолчала.

– И ты его простила? – спросила я.

Антонина улыбнулась.

– Сказала, что не помню никаких разногласий, считаю его прекрасным человеком, а в детстве все глупые. Да, я его простила. Но отчего-то никак не получается заплакать, когда думаю, что Севы уже на свете нет. Я злопамятная сволочь, да?

– Это шок, – сказала я, – слезы придут позднее.

Тонечка потерла виски ладонями.

– Может, и так. Я долго думала, почему Анатоль по-разному относился к своей родне. Сестры, Офелия и Пенелопа, сын Сева с ним жили, а дочь Нина отдельно? Про Светлану не говорю, она была отрезанный ломоть, удочерена отчимом, да еще уголовница. Ясное дело, он постарался от нее дистанцироваться, не захотел помогать. Хотя ведь любой может совершить ошибку. Вероятно, протяни Анатоль старшей дочке руку в трудную минуту… Ладно, не будем о грустном. Но моя мама была очень положительным человеком, а отец ее только на праздники звал. А потом я узнала: Офи и Пени артистичные натуры, прекрасно поют, танцуют. Офелия стихи пишет, их местная газета публикует, Пени картины рисует, ее выставки в библиотеке, где она работает, устраивают. Всеволод с пяти лет на рояле играл, его в Ковалеве чуть ли не Моцартом считали. На все городские праздники в театре устраивали концерты – кстати, эта традиция сохранилась по сию пору, – артисты перед администрацией Ковалева и жителями выступали. И кто среди постоянных участников? Офелия свои вирши читает, Пенелопа в хоре запевает, Сева на рояле бренчит. Все талантливые, яркие, и всех их Анатоль под себя подмял. Сестры у него вместо домработниц, сын на побегушках. А моя мама обычный бухгалтер, человек не творческий, гордиться нечем, но очень самостоятельная, не захотела перед отцом на цирлах стоять, вот Анатоль ее и недолюбливал. И я тоже безо всяких талантов, поэтому оказалась в интернате. Деду нравятся лишь яркие натуры. А вот Федя унаследовал музыкальные способности Севы, и Авдеев-старший его пригрел. Правда, все равно ненадолго, надоел ему мальчик.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Вилка вспоминает историю, рассказанную в книге Дарьи Донцовой «Фанатка голого короля», издательство «Эксмо».

2

Кто такая Томочка, а также биография Виолы рассказывается в книге Дарьи Донцовой «Черт из табакерки», издательство Эксмо».

3

Читайте книгу Дарьи Донцовой «Черт из табакерки», издательство «Эксмо».

4

Подробнее об этом рассказывается в книге Дарьи Донцовой «Фанатка голого короля», издательство «Эксмо».

5

Почтовый ящик – так в советские времена называли оборонные предприятия и НИИ из-за того, что у них не было адреса. Если вы посылали в подобную организацию письмо, то не указывали на конверте улицу и номер дома, а писали, например, «п/я 125319». Здесь и далее примечания автора.

6

Читайте книгу Дарьи Донцовой «Урожай ядовитых ягодок», издательство «Эксмо».

7

Существует такая легенда, не имеющая доказательств. И называют еще много других причин, по которым изобретатель динамита Альфред Нобель (1833–1896) вычеркнул математиков из числа тех, кому может вручаться премия его имени.

8

Парвеню – выскочка, разбогатевший выходец из низших социальных слоев, стремящийся во что бы то ни стало быть принятым в аристократических кругах.

9

Белый, с легким оттенком топленого молока, почти прозрачный фарфор называется «костяным».

Купить: https://tellnovel.com/ru/darya-doncova/nochnoy-koshmar-zheleznogo-lyubovnika

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить